

ПУСТЫЕ

A desolate, post-apocalyptic cityscape. In the foreground, a person in a dark hoodie stands on a rooftop, looking out over a city of tall, grey, multi-story apartment blocks. The buildings appear abandoned and weathered, with many windows missing or boarded up. The sky is overcast and grey, suggesting a gloomy atmosphere. The overall scene is one of urban decay and isolation.

КОСОВСКИЙ АЛЕКСАНДР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Косовский Александр

ПУСТЫЕ

<https://litres.ru/73521057>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять лет назад Солнце вспыхнуло — и каждый увидел на своей руке дату смерти. Большинство уже встретили свой срок. Мир опустел на восемьдесят процентов. Остались только «долгожители» — те, кому жить еще полвека в городах-призраках, среди вещей умерших, в оглушительной тишине.

Дмитрий Корсаков — чистильщик. Его работа — убирать тела из опустевших квартир. Он привык к запаху смерти, к скрипу половиц в пустых домах, к тишине, которая давит сильнее любого крика. Он знает: мертвые не возвращаются.

Но однажды в квартире, где по документам уже никто не мог быть жив, он находит ее. Девочку лет десяти. С чистой кожей на том месте, где должна быть дата.

Она — пустая.

И теперь за ними охотятся все: лаборатории, которым нужен идеальный подопытный, выжившие, что боятся всего, чего не понимают, и те, кто не ушел до конца. Те, кто застрял между мирами и теперь ищут выход. Через нее.

Дмитрий думал, что спасает ребенка. Но, возможно, она спасает его. Или ведет их обоих туда, откуда не возвращаются.

Содержание

ГЛАВА 1. УТРО ЧИСТИЛЬЩИКА	4
Глава 2.ГОСТИ В МЕРТВОМ ДОМЕ	12
Глава 3.АДРЕС	29
Глава 4.ГОСТИ	48
Глава 5.ПОИСК	60
Глава 6.СЕРЁЖА	72
Глава 7.ЗНАКИ	84
Глава 8.СЕРЁЖА (ВТОРАЯ ЧАСТЬ)	94
Глава 9.ПЕРВАЯ КРОВЬ	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Косовский Александр

ПУСТЫЕ

ГЛАВА 1. УТРО ЧИСТИЛЬЩИКА

Тишина разбудила его в 6:43.

Она не наступила — она уже была. Лежала в комнате плотной массой, давила на уши, как при резком наборе высоты. Несколько секунд он просто лежал, слушая, как кровь шумит в висках. Единственный звук, который остался в этом мире.

Потолок над раскладушкой распух от плесени. Тёмное пятно в углу напоминало карту Африки, если сильно напрычь воображение. Он разглядывал эту карту каждое утро уже полгода — с тех пор как перебрался сюда из подвала. В офисе было теплее. И окна были.

Рука сама потянулась к левому запястью. Привычка, ввешаясь в подкорку за пять лет. Цифры никуда не делись: 12.08.2074. Чёткие, чёрные, будто лазером выжженные под кожей. Смотрел на них каждое утро, но так и не привык. Сорок девять лет. Почти полвека одиночества в мире, где восемь из десяти человек уже мертвы.

Сел, хрустнул шейей. Раскладушка взвизгнула — старый металл устал не меньше человека.

Вокруг, в бывшем опенспейсе страховой компании «Ренессанс», громоздились коробки, стопки одежды, горы книг, фотографии в рамках, посуда, лампы, детские игрушки. Музей неизвестных людей. За пять лет через его руки прошло столько чужого добра, что можно было открыть сеть комиссионков на весь город.

В комнате пахло пылью, бумагой и тем особенным запахом, который он научился игнорировать. Сладковатым, въедливым, въевшимся в каждую вещь. Запах смерти, которая пришла и ушла, оставив после себя только вещи.

Натянул камуфляжные штаны, свитер с чужого плеча — норвежский, с оленями, хороший свитер. Сунул ноги в берцы. В углу, на тумбочке от чьего-то письменного стола, стояла газовая горелка. Щёлкнул зажигалкой, поставил кружку с водой. Пока греется — можно пожевать галету.

Подошёл к окну.

Проспект Мира уходил в серую утреннюю дымку, как старая выцветшая фотография. Ржавые остовы машин выстроились вдоль дороги, некоторые с распахнутыми дверями — будто люди выскакивали на бегу, бросая тачки прямо посреди проезжей части. Выбитые витрины магазинов чернели пустыми глазницами. Кучи мусора ветер гонял по асфальту уже пять лет.

Ни души. Только вороны.

Они сидели на крышах, на карнизах, на светофорах — жирные, наглые, довольные. Один уселся прямо на капот

брошенной «Тойоты» и смотрел на окно, будто спрашивал: «Ты следующий?»

Отвернулся. Вода закипела.

Заварил чай — прошлогодние листья, уже почти без вкуса, но горячо. Сел на раскладушку, откусывая галету, слушал, как хрустит на зубах. За эти годы научился ценить простые вещи. Хруст. Тепло. Возможность дышать. Когда вокруг тебя умерли миллионы, любой вдох кажется роскошью.

В кармане куртки зажужжало.

Вытащил планшет — старая модель, экран в трещинах, но держится. Работает от солнца. На экране высветилось: «Задание на 20.10.2026. Объекты: ул. Ленина, 43 — кв. 12, 15, 31. Категория: плановая зачистка».

Трое. Хороший день.

Сунул планшет в карман, закинул за спину пустой рюкзак. Проверил пистолет. «Макаров», старый, семь патронов в обойме. Ни разу не стрелял из него по людям. По тому, что иногда мерещится в тёмных подъездах — бесполезно. Пуля такого не берёт.

В коридоре темно. Прошёл мимо дверей с табличками: «Отдел продаж», «Кредитный отдел», «Бухгалтерия». За каждой — горы чужих жизней, рассортированных по пакетам.

Лестница встретила привычным запахом — сырость, крысиный помёт, плесень и тот самый сладковатый оттенок. Лифт сдох в первый же месяц. Спустился пешком, толкнул

тяжёлую дверь подъезда и вышел в город.

Утро серое, без солнца, но тепло. Октябрь в этом году выдался на удивление ласковым.

Достал из кармана велосипедный ключ, отпер свой транспорт — старенький «Урал», найденный в подвале, перебранный своими руками. Велосипед в пустом городе — лучший друг. Тихий, быстрый, не требует бензина.

Поехал по проспекту, лавируя между брошенными машинами. Маршрут въелся в память — глаза смотрят, а мозг отдыхает.

Вот сгоревший «Пятёрочка». В первый год мародёры подожгли. Вот школа №14. На стенах граффити: «СМЕРТЬ — ЭТО ВСТРЕЧА» — через весь фасад. Сектанты старались, «Проводники». Их давно разогнали. Но надписи остались.

Вот детская площадка.

Качели скрипели на ветру. Скрип-скрип-скрип. Звук, от которого хочется выть. Отвернулся и нажал на педали сильнее. Старался не смотреть на игрушки, разбросанные в песочнице. Никто их не убрал. Никто не пришёл.

Улица Ленина, 43. Панельная девятиэтажка — таких тысячи.

Прислонил велосипед к стене, достал фонарик. Проверил пистолет. На всякий случай.

Подъезд пах как все подъезды в этом городе. Включил фонарик — луч выхватил из темноты горы мусора на лестнице, разбитые почтовые ящики, чью-то обувь на ступенях.

Начал подниматься.

Шаги гулко отдавались в бетонной коробке, эхо металось по лестничным пролётам. На третьем этаже пришлось перешагивать через скелет. Мужик скорчился у двери, ключи в руке. Видно, возвращался домой, когда пришло время. Перешагнул, стараясь не смотреть.

Четвёртый. Пятый. Шестой.

Квартира 12 была приоткрыта. Дверь чуть отошла от косяка — ветром открыло или кто-то заходил до него.

Толкнул дверь стволем пистолета. Вошёл, прислушался.

Тишина. Только где-то капает вода из крана. Кап... кап... кап... Будто время считает.

В комнате светло — окна выходят на солнечную сторону. Пыль танцевала в воздухе, оседала на всём.

На кровати лежала старушка.

Аккуратно, руки сложены на груди, глаза закрыты. Когда-то она приготовилась. Надела чистый халат, легла и ждала. Пять лет превратили её в скелет в ситцевом халате. Ткань истлела, местами порвалась, видны рёбра, пожелтевшие кости. На подушке — тёмное пятно, волосы рассыпались прядями.

Рядом на тумбочке — фотография в рамке. Подошёл ближе. Улыбающиеся люди за праздничным столом. Дети с воздушными шарами. Женщина в цветастом платье — может, сама старушка, только молодая. Мужчина с усами. Торт со свечками.

Отвернулся и начал работать.

Отстегнул от пояса армейский распылитель. Надел респиратор. Нажал на рычаг.

Жидкость зашипела, пошла пеной, покрывая останки плотной белой массой. Отошёл к окну, открыл створку. Свежий воздух ворвался в комнату. Теперь надо ждать.

Прошёлся по квартире. Маленькая, уютная, заставленная вещами. Ковёр на стене с оленями. Сервант с хрусталём. Коллекция слоников на полке — семь штук, от маленького до большого, с поднятыми хоботами.

Потрогал одного. Слоник пошатнулся. Поправил. Зачем? Рука сама потянулась. Маленький жест уважения к той, кто их собирала.

В ящике комода — фотографии. Много. Полистал. Старушка молодая, с мужиком в военной форме. С ребёнком на руках. Ребёнок вырос — парень в школьной форме. Потом парень с девушкой. Потом снова дети — внуки. Мальчик и девочка, счастливые, на море.

Где они сейчас?

Сзади скрипнуло.

Замер. Рука легла на пистолет.

Скрип повторился. Из прихожей.

Медленно вышел из комнаты. Луч фонаря скользнул по вешалке с пальто. Дверца шкафа была приоткрыта. Она медленно открывалась — сантиметр за сантиметром, с протяжным древесным стоном.

Стоял, сжимая рукоятку, и смотрел, как дверца открывается до конца. В шкафу висели старые пальто. Никого.

Подошёл, заглянул. Провёл рукой между пальто — пусто. Захлопнул дверцу. Та щёлкнула магнитной защёлкой.

Сквозняк. В окно дует. Сквозняк.

Вернулся в комнату. Пена уже осела. Открыл окно шире, достал пластиковый мешок и совок. То, что осталось от старушки, ссыпалось в мешок без звука — серая труха, пара костей, куски истлевшей ткани.

Вещи рассортировал быстро. Одежда — в один пакет. Документы и фото — в коробку. Ценности — в отдельный ящик: колечки, серёжки, часы «Победа».

Слонилов завернул в газету и тоже положил в коробку с документами. Сам не знал зачем.

Когда вышел в коридор, уже собирался закрыть дверь, но остановился.

На лестничной площадке, в темноте, кто-то стоял.

Увидел краем глаза — фигуру, тёмное пятно на фоне серой стены. Резко повернулся, вскинул фонарь.

Луч выхватил пустоту. Никого.

Только пыль танцует в свете. Только сквозняк тянет из подъезда.

Шагнул к лестнице, посветил вниз. Пусто. Вверх — пусто. Но секунду назад там кто-то был.

Постоял, вслушиваясь. Тишина. Даже капать перестало.

Спустился на один пролёт, заглянул за угол — никого. Пя-

тый, четвёртый, третий. На третьем снова перешагнул через скелет мужика с ключами. Тот лежал так же.

Второй. Первый. Выход.

Вышел на улицу, зажмурился от серого света. Велосипед стоял на месте. Вороны сидели на крыше, смотрели, ждали.

Сел и поехал обратно, ни разу не обернувшись. Но всю дорогу чувствовал спиной чей-то взгляд. Сверлящий, холодный, тяжёлый.

Вернулся в офис, когда солнце уже клонилось к закату. Сдал мешки, заполнил отчеты. Руки делали своё дело, а в голове крутилось одно: там кто-то был. Не показалось.

Ночью лежал на раскладушке, смотрел в потолок на карту Африки и слушал тишину. Она давила сильнее обычного. Где-то за стеной скрипнула половица. Потом ещё одна. Кто-то ходил по пустому офису.

Не встал проверять. Просто лежал, сжимая под подушкой пистолет, и смотрел в темноту.

А качели за окном всё скрипели.

Скрип-скрип-скрип.

Глава 2.ГОСТИ В МЕРТВОМ ДОМЕ

Утро не наступило — оно вползло.

Дмитрий открыл глаза и понял: не выспался. Совсем. Тело ломило так, будто ночью кто-то бил. Он лежал на раскладушке, смотрел в потолок с плесневой картой Африки и пытался вспомнить, снилось ли ему что-нибудь. Не вспомнил. Пустота.

Рука сама потянулась к запястью. Всё по привычке. Въевшаяся в кровь дата 12.08.2074. На месте. Никуда не делась.

Вчерашний день прокрутился в голове обрывками: старушка со слониками, скрип дверцы шкафа, фигура на лестнице, которая исчезла, когда он вскинул фонарь.

Спал плохо. Ворочался, просыпался от каждого звука. Половицы в коридоре скрипели до самого утра. Кто-то ходил — или казалось. Под утро провалился в тяжёлый сон без сновидений.

Дмитрий оделся, подошёл к окну, раздвинул шторы.

Проспект Мира лежал внизу серый и мёртвый. Ржавые остовы машин выстроились вдоль дороги, некоторые с распахнутыми дверями — будто люди выскакивали на бегу, бросая тачки прямо посреди проезжей части. Выбитые витрины магазинов чернели пустыми глазницами. Кучи мусо-

ра ветер гонял по асфальту — пластиковые бутылки, газеты, пакеты, чья-то обувь.

Вороны сидели на крышах, на карнизах, на светофорах — жирные, наглые, довольные. Одна, особо наглая, так и сидела на капоте «Тойоты» и смотрела прямо на него. Ждала.

— Хер тебе, а не завтрак, — сказал Дмитрий вслух. Голос проскрипел, как несмазанная дверь. Он редко говорил вслух. Не с кем. А когда говорил — звук собственного голоса казался чужим, будто кто-то другой сидит внутри и разговаривает.

Завтрак всё тот же годами и без вкуса. Еда стала просто топливом.

В кармане зажужжало. Планшет.

Он вытащил, глянул на экран. «Задание: ул. Ленина, 43 — кв. 15. Плановая зачистка».

Тот же дом. Этажом выше.

Дмитрий сунул планшет в карман, проверил пистолет. Семь патронов. «Макаров», старый, со стертым номером. Ни разу не стрелял из него по людям. По тому, что иногда мерещится в темных подъездах, — бесполезно. Пуля такого не берет.

Распылитель полный. Рюкзак пустой. Вышел в коридор.

В офисе было темно и тихо. Он прошел мимо дверей с табличками — «Отдел продаж», «Кредитный отдел», «Бухгалтерия». За каждой — горы чужого барахла. Чужих жизней, рассортированных по пакетам. Иногда по ночам ему ка-

залось, что оттуда доносится шепот. Он не проверял. Потому что если проверишь и там что-то окажется — потом не заснешь никогда.

Сегодня шепота не было. Молчали. Выжидали.

Спустился по лестнице, толкнул тяжелую дверь. Утро ударило в лицо холодом и запахом. Этот запах ни с чем не спутаешь — сырость, ржавчина, и поверх всего сладковатая вонь разложения, которая въелась в город за пять лет. Город провонял смертью насквозь. Камни, асфальт, деревья — всё пропиталось. Иногда Дмитрию казалось, что он сам уже пахнет так же. Что этот запах въелся в кожу, в волосы, в легкие, и ничем не вытравишь.

Отпер велосипед, поехал.

Город проплывал мимо, как декорации к фильму, который никто не снимает. Сгоревший «Пятёрочка» — в первый год жгли всё подряд, пока не поняли, что жрать нечего. Мародеры постарались, а потом сами сдохли. Школа №14 с граффити через весь фасад: «СМЕРТЬ — ЭТО ВСТРЕЧА». Сектанты-«Проводники» старались. Их давно перестреляли, когда они попытались устроить коллективное жертвоприношение в городском парке. Но надписи остались. Никто не закрашивает. А зачем? Кому какое дело?

Впереди показалась детская площадка.

Качели скрипели на ветру. Сегодня скрипели. Скрип-скрип-скрип. Звук, от которого хочется выть. Дмитрий отвернулся и нажал на педали сильнее. Не хотел смотреть на

качели. Не хотел думать, почему вчера они молчали, а сегодня скрипят.

Улица Ленина, 43. Всё та же девятиэтажка, облезлая, серая, с проваленными балконами. Он прислонил велосипед к стене, достал фонарь, пистолет. Вошел.

Подъезд встретил привычной вонью — моча, крысы, плесень, и этот вечный сладкий запах, от которого уже не тошнит, но внутри всё равно сжимается.

Включил фонарь. Луч выхватил мусор, разбитые ящики, чью-то обувь. Начал подниматься.

На третьем этаже — скелет. Мужик с ключами, скорчился у двери. Дмитрий перешагнул через него, как через бревно. Подумал мельком: интересно, его кто-нибудь когда-нибудь уберет? Или так и будет лежать вечно, стеречь пустую квартиру?

Четвертый. Пятый. Шестой. Седьмой.

Квартира 15. Дверь закрыта. Обычная дверь, обитая коричневым дерматином, с облупившейся буквой «К» на табличке. Таких дверей он открыл тысячи.

Дмитрий толкнул стволom — заперто. Достал монтировку, ударил по замку. Тот хрустнул, дверь приоткрылась. Он вошел, прислушался.

Тишина. Только где-то в глубине квартиры тикали часы. Настенные, с маятником. Размеренно: тик-так, тик-так. Будто время здесь не остановилось пять лет назад, а продолжало идти.

Пахло здесь не так, как везде. Поверх основного запаха — мужской одеколон. Дорогой, терпкий. Кожа, табак, что-то еще, что Дмитрий не мог определить. Запах человека, который привык к хорошей жизни. К хорошим вещам. К хорошей семье.

Дмитрий прошел в гостиную и остановился.

Мужчина сидел в кресле перед телевизором.

Дорогой халат, тапки на босу ногу. Откинулся на спинку кресла, руки на подлокотниках. Пять лет превратили его в скелет в халате, но поза сохранилась — поза человека, который ждал и дождался. Который знал, что придет его время, и встретил его здесь, в своем кресле, в своем доме.

Телевизор был разбит. Экран превратился в паутину трещин, осколки стекла валялись на полу, впитались в ковер. Пульт валялся у противоположной стены — будто его швырнули с такой силой, что он пролетел через всю комнату.

На журнальном столике рядом с креслом стояла пепельница, полная окурков. Бутылка виски — хорошего, двенадцатилетнего — наполовину пустая. Стакан с темным налетом на дне.

Мужик встречал свой последний день по-человечески. С виски, с куревом, с надеждой, что может, пронесет? Может, дата ошибается? Может, он особенный?

Не пронесло.

Дмитрий подошел к стене. Фотографии в рамках. Большие, профессиональные, в дорогих багетах. Свадьба — муж-

чина с женщиной в белом платье, счастливые, молодые. Она красивая, он при галстуке. Потом с детьми — мальчик лет семи и девочка лет пяти, все в одинаковых футболках, дурачатся, корчат рожи. Потом отпуск, море, все загорелые, улыбаются до ушей. Жизнь удалась.

Семья.

Где они сейчас?

Дмитрий прошел в спальню.

Женские вещи в шкафу — платья, блузки, пальто. Дорогие, с бирками. Косметика на трюмо, вся в идеальном порядке, будто хозяйка только что вышла и скоро вернется. Духи — «Шанель», флакон почти полный. На тумбочке — фотография в рамке: та же женщина, одна, улыбается в камеру. Красивая. Живая. На оборотной стороне надпись: «Любимому от Лены. 8 марта 2021».

Лена.

Где ты сейчас, Лена? Лежишь где-то в такой же квартире? Или тебя уже увезли в фургоне с гербом Нового центра?

Второй шкаф — мужской. Костюмы, рубашки, галстуки. Всё на плечиках, всё чистое, отглаженное. Человек умел жить. Зарабатывал, обеспечивал семью, носил хорошие вещи.

На полке — коробка с документами. Дмитрий открыл, пролистал. Паспорта, свидетельства о рождении, дипломы. Сергей Петрович Ковалёв, 1978 года рождения. Елена Владимировна Ковалёва, 1980 года рождения. Свидательства о

рождении детей: Сергей Сергеевич Ковалёв, 2017 год. Анна Сергеевна Ковалёва, 2019 год.

Серёжа и Анечка.

Дмитрий закрыл коробку. Постоял минуту, глядя на шкаф с детскими документами. Потом пошел дальше.

Детская комната была за углом. Дверь приоткрыта.

Он толкнул ее и замер на пороге.

Здесь будто остановилось время.

Игрушки были разбросаны по полу — машинки, конструктор «Лего», плюшевый медведь с оторванным ухом валялся у кровати. Кровать-чердак — дорогая, из хорошего дерева, с горкой и шведской стенкой. Заправлена одеялом с машинками. На подушке — детская пижама, сложенная стопкой. Будто ребенок только что встал и сейчас вернется.

На стене — рисунки. Много. Вставленные в рамки, приклеенные скотчем, просто висящие на кнопках. Детские, корявые, разноцветные. Солнце, дом, дерево, семья. Мама, папа, я, сестра. Собака — большая, лохматая, с хвостом трубой.

На письменном столе — раскрытая тетрадь. Детский почерк, карандаш. Буквы кривые, строчки пляшут.

Дмитрий подошел. Взял тетрадь в руки. Прочитал:

«Мама, папа, я и собака Бим. Мы поехали на море. Там тепло. Я купался и нашел ракушку. Красивую. Подарю маме».

Он перевернул страницу. Еще рисунки. Еще каракули.

Первые попытки писать буквы. Расписание уроков. Список того, что нужно взять в школу. Жизнь маленького человека, который не знал, что скоро солнце вспыхнет и все кончится.

Он листал дальше. Страница за страницей. Рисунки становились лучше, буквы ровнее. Мальчик рос на этих страницах.

Последняя страница. Рисунок.

Четыре фигурки. Папа — высокий, с улыбкой до ушей, в руках что-то похожее на подарок. Мама — в платье, с длинными волосами, держит за руку девочку. Мальчик — с большими ушами, потому что не умел рисовать иначе — стоит рядом с собакой. Над ними солнце, синее небо, зеленая трава.

Внизу подпись печатными буквами: «МОЯ СЕМЯ».

Дмитрий стоял и смотрел. Долго. Очень долго.

Внутри, там, где пять лет было пусто и холодно, вдруг что-то зашевелилось. Заныло. Заскребло. Он думал, что разучился чувствовать. Что все — ампутировал, отрезал, заморозил. А вот же — лезет.

Мальчик, который рисовал свою семью. Который не знал, что через несколько лет солнце вспыхнет, и на руках появятся даты. Который не знал, что его мама, папа, сестра и он сам — все умрут. Кто-то раньше, кто-то позже, но умрут. И никто не придет забирать его рисунки.

Или придет? Кто-то же должен?

Дмитрий аккуратно вырвал лист из тетради. Сложил вчет-

веро. Сунул во внутренний карман куртки — туда, где сердце. Если оно еще билось.

Не знал, зачем. Просто не мог оставить.

Выдохнул. Вытер лицо рукавом. Повернулся, чтобы выйти.

И увидел ее.

Девочка стояла в углу комнаты. У окна. Маленькая, лет пяти, в розовом платье — том самом, что висело на спинке стула. Смотрела на него.

Дмитрий замер. Рука дернулась к пистолету, но он заставил себя не двигаться. Воздух в комнате стал холодным. Плотным. Дышать стало трудно, будто кто-то сжал горло.

Девочка была почти прозрачной. Сквозь нее просвечивали обои с принцессами, плюшевый медведь на полу, край кровати. Серое, полупрозрачное лицо, темные глаза, спутанные волосы. Та же, что на фотографиях. Анечка.

Она смотрела на него и молчала.

Дмитрий не мог пошевелиться. Губы примерзли друг к другу. Язык стал деревянным.

— Ты... — выдавил он наконец. Голос прозвучал как чужой, хриплый, сдавленный.

Девочка подняла руку и показала на дверь. На выход из комнаты.

— Что?

Она повторила жест. Настойчивее. Потом перевела руку на него. Потом снова на дверь. Потом сложила ладони вместе

— как в молитве.

И исчезла.

Просто растаяла в воздухе. Как дым. Как туман. Как будто ее никогда и не было.

Дмитрий стоял, вцепившись в косяк. Пальцы побелели. Сердце колотилось где-то в горле, в висках, в ушах — глухо, тяжело, как кувалда по рельсе.

Он выскочил из квартиры, захлопнул дверь. Стоял на лестничной клетке, пытаясь отдышаться. Воздух рвался в легкие рваными кусками, обжигал горло.

В подъезде было тихо. Только где-то наверху хлопнула дверь — ветер. Или не ветер.

Он спустился на один пролет. На другой. На третьем этаже перешагнул через мужика с ключами. Тот лежал все так же. Вечный сторож. Дмитрий посмотрел на него и вдруг подумал: а может, он тоже кого-то ждет? Может, у него тоже есть семья, дети, рисунки?

Мысль была дикая, неуместная. Он отогнал ее.

Вышел на улицу, сел прямо на землю, прислонившись спиной к стене дома. Руки тряслись. Он смотрел на серое небо, на ворон, на ржавые машины, и не мог успокоиться.

Она была там. Анечка. Приходила. Просила уйти. Откуда? Из квартиры? Из этого мира? Просила за кого-то? За себя? За брата?

Он достал рисунок, развернул дрожащими руками. Посмотрел на кривые фигурки, на солнце, на траву. «МОЯ СЕ-

МЯ».

— Где вы? — спросил он шепотом. — Где ты, Серёжа? Где ты, Анечка?

Никто не ответил. Только ветер дул в лицо, холодный, октябрьский, и вороны каркали где-то далеко.

Дмитрий сидел долго. Минут двадцать, может, час. Потом встал, сел на велосипед и поехал. Не в офис. Просто поехал, куда глаза глядят.

Перед глазами стояло прозрачное лицо девочки в розовом платье. Ее рука, показывающая на дверь. Ее ладони, сложенные в молитве.

Она просила. О чем?

В офис он вернулся, когда солнце уже клонилось к закату.

Небо стало оранжево-серым, длинные тени легли на асфальт. Вороны оживились, устроили гвалт на крышах. Дмитрий прошел в свою комнату, сбросил рюкзак. Руки все еще тряслись, но уже слабее.

Надо было сдавать отчеты. Заполнять бумаги. Делать вид, что день прошел обычно.

Он прошел в канцелярию, где сидел Игорь Семёныч. Начальник был на месте — сидел за столом, перед ним тарелка с жареной картошкой и кусок мяса. Паек у начальства был хороший — не то что у простых чистильщиков.

Увидел Дмитрия, отложил вилку, вытер рот салфеткой.

— Корсаков? С задания?

— Ага. Квартира 15 готова. Отчет на столе.

— Садись. — Игорь Семёныч кивнул на стул. — Чай будешь?

Дмитрий сел. Начальник налил ему чашку — настоящего, заварного, не из пакетиков. Жест щедрости, от которого внутри стало нехорошо. Такое просто так не бывает.

— Слушай сюда, — Игорь Семёныч понизил голос, хотя в комнате никого не было. — Вчера наши из 15-го квартала вернулись. Проверяли адреса, плановую зачистку делали. И нашли кое-что.

Он помолчал, глядя Дмитрию в глаза. Проверял реакцию. — Девочку. Лет десять. Живую.

Пальцы сами сжались в кулак под столом. Дмитрий заставил себя не дергаться, сидеть ровно.

— По документам, ее дата была... вчера. Девятнадцатое. А сегодня двадцатое, а она дышит. Ходит, разговаривает, даже ест. Представляешь?

Дмитрий кивнул. Представлял. Очень хорошо представлял.

— Ученые из Нового центра уже выехали. Завтра утром будут. Твоя задача, — Игорь Семёныч ткнул пальцем в стол, — съездить по адресу прямо сейчас. Убедиться, что она там. Если на месте — сидеть с ней до приезда спецов. Чтобы не сбежала, чтобы местные психопаты не тронули. Ясно?

Дмитрий кивнул.

— Адрес сброшу на планшет. Там, в 15-м, дом старый, пятиэтажка, последний подъезд, четвертый этаж. Квартира

47. Девочку зовут Алиса. Мать умерла год назад, отец пропал без вести в первый год. Одна живет. Представляешь? Год одна в пустом городе.

Игорь Семёнович покачал головой, но в глазах не было жалости. Было другое — любопытство. И страх. Таких, как эта девочка, забирали в первый год. И никто не знал, что с ними потом. Но слухи ходили разные.

— Езжай сейчас. Вещи можешь не сдавать, завтра сдашь. Держи меня в курсе. Если что — выходи на связь.

Дмитрий встал, уже пошел к выходу. На пороге обернулся.

— Игорь Семёныч, а что с ней будет? В Новом центре?

Начальник посмотрел на него долгим взглядом. Потом отвел глаза.

— Не наше дело, Корсаков. Не наше дело.

Дмитрий вышел в коридор, прислонился к стене.

В кармане, у сердца, лежал рисунок. «МОЯ СЕМЯ».

Девочка Алиса. Десять лет. Одна. С чистой рукой, на которой нет даты.

Он знал, что такое «Новый центр». Знал про фургоны, про лаборатории, про отчеты, которые не для всех. Видел мельком документы, случайно оставленные на столе. Читал про «биоматериал», про «исследования», про «утилизацию».

Если он поедет и сделает, как велено — девочку увезут. И все. Конец. Он никогда не узнает, что с ней стало. Но догадываться будет. Каждую ночь.

А если не поедет? Если скажет — не нашел? Игорь Семёныч пошлет другого. Или поедет сам. Девочку все равно найдут. А его вышвырнут из администрации — без пайка, без крыши, без защиты. И тогда он сам станет таким же, как она. «Просрочкой». Только без даты на руке.

Выбор простой. И правильный.

Только руки дрожат.

Он сунул их в карманы. Пальцы наткнулись на рисунок. Вытащил, развернул. Посмотрел на кривые фигурки, на солнце, на траву.

«МОЯ СЕМЯ».

Серёжа и Анечка. Где они? Может, лежат где-то в таких же квартирах. Может, бродили по городу, искали маму с папой, которые сидят в креслах и смотрят в разбитые телевизоры. Может, их уже увезли в фургоне. Может, они сейчас в лаборатории, на столах, под лампами.

Дмитрий сложил рисунок, убрал. Вышел на улицу, сел на велосипед.

Адрес на планшете горел красным: 15-й квартал, улица Победы, 7, последний подъезд, четвертый этаж, квартира 47. Девочка Алиса.

Он нажал на педали и поехал. Медленно, не спеша. Город проплывал мимо, темный, пустой, бесконечный.

В голове крутилось: войти — не войти, подняться — не подняться, спасти — не спасти.

Он не знал ответа.

Ночь опустилась на город быстро, как всегда в это время года.

Дмитрий не доехал до адреса. Остановился в соседнем дворе, спрятал велосипед в кустах сирени. Сам затаился за деревом, наблюдая за окнами четвертого этажа.

Дом был старый, хрущевский, из желтого кирпича. Облезлый, с обвалившейся штукатуркой. Двор зарос бурьяном в человеческий рост. Тишина стояла такая, что звенело в ушах.

В одном окне на четвертом этаже горел свет. Слабый, мерцающий — свеча или керосинка. Тень мелькнула — маленькая, быстрая. Кто-то ходил там, внутри. Жил.

Она там. Жива.

Дмитрий стоял долго. Час, может, два. Время тянулось, как резина. В голове крутилось: войти — не войти, подняться — не подняться. Зачем? Чтобы увидеть? Чтобы потом, ночью, не мучиться?

Когда стемнело совсем, в окне мелькнул силуэт. Маленький, худой. Остановился у окна, отодвинул тряпку, посмотрела вниз, на улицу.

Она не могла его видеть — темно, он за деревом. Но смотрела прямо в его сторону. Долго. Потом задернула занавеску, и свет погас.

Легла спать. Или затаилась.

Дмитрий постоял еще немного. Потом развернулся, сел на велик и поехал обратно.

Решения не принял. Но знал, что завтра утром вернется. В офис въехал, когда луна уже стояла высоко.

В окнах было темно, только в его комнате — никого. Прошел по коридору, стараясь не смотреть на двери с табличками. За ними сегодня было тихо. Не шептали. Молчали.

Сел на раскладушку, достал рисунок. При свете луны рассматривал кривые фигурки, солнце, траву. Семью, которой больше нет.

Потом убрал, лег, уставился в потолок. Карта Африки расплзлась еще больше. Плесень жрала стену, и ему было все равно.

Тишина давила. Обычно он умел с ней справляться — засыпал, отключался. Сегодня не мог.

Где-то за стеной скрипнула половица. Потом еще одна. Шаги.

Кто-то шел по коридору. Медленно, тяжело. Остановился у его двери.

Дмитрий смотрел на дверь, сжимая под подушкой пистолет. Шаги не уходили. Стояли.

Минута. Две. Пять.

Потом шаги двинулись дальше, стихли в конце коридора.

Он не спал до утра. Лежал, смотрел в потолок и думал о девочке с чистой рукой. О прозрачной Анечке. О Серёже, который где-то ждал.

Алиса.

Имя крутилось в голове, как заезженная пластинка.

Алиса. Алиса. Алиса.

Под утро решил.

Встал, оделся, проверил пистолет. Взял рюкзак, сунул туда банку тушенки, галеты, флягу с водой. Вышел, когда солнце только начинало вставать.

Сел на велосипед и поехал в 15-й квартал.

Не как чистильщик. Не как работник администрации. Как человек, который не смог оставить рисунок в чужой тетради.

Сзади, в окнах офиса, кто-то смотрел вслед. Он чувствовал взгляд, но не обернулся.

Глава 3. АДРЕС

Дорога в пятнадцатый квартал заняла больше часа.

Дмитрий крутил педали медленно, не спеша. Спешить было некуда. Он еще не знал, что скажет той девочке. Не знал, зачем вообще туда едет. Но ноги сами крутили педали, а глаза смотрели вперед.

Город просыпался. Серый свет заливал улицы, вороны начинали свои концерты, ветер гонял мусор по асфальту. Обычное утро в обычном мертвом городе.

Дмитрий миновал знакомые ориентиры: сгоревший «Пятёрочка», школу с граффити, детскую площадку. Качели сегодня скрипели. Скрип-скрип-скрип. Он уже привык. Почти.

За школой начинались незнакомые кварталы. Районы, где он не работал. Дома здесь были старше, ниже, обшарпаннее. Пятиэтажки-хрущевки стояли плотными рядами, как солдаты на параде, которые все умерли, но не упали. Дворы заросли бурьяном в человеческий рост. Машины во дворах прожавели насквозь, некоторые превратились в груды металлолома.

Пахло здесь так же, как везде. Но сильнее. Запах смерти въелся в эти стены глубже, чем в центре. Здесь не было администрации, не было чистильщиков, не было никого. Только пустые дома и те, кто в них лежал.

Дмитрий ехал и считал. Считал дома, считал окна, считал проваленные балконы. Счет успокаивал. Давал иллюзию контроля.

Сто двадцать три окна. Сорок семь балконов. Восемь машин во дворе.

Потом сбился и перестал считать.

Пятнадцатый квартал встретил его тишиной.

Здесь было еще тише, чем в центре. Тишина висела в воздухе плотной массой, давила на уши, заставляла прислушиваться. Но прислушиваться было не к чему. Ни звука. Ни ветра, ни птиц, ни шагов.

Только запах. Сладковатый, приторный, въевшийся в каждый кирпич.

Дмитрий слез с велосипеда и пошел пешком. Колеса хрустели по битому стеклу, по сухой траве, по чьим-то костям. Он не смотрел под ноги. Привык.

Улица Победы, 7. Крайний дом, последний подъезд.

Дом был старый, из желтого силикатного кирпича. Такие строили в шестидесятых — быстро, дешево, на века. Века они не выстояли. Штукатурка обвалилась кусками, обнажая кладку. Балконы завалены хламом, кое-где перила отвалились, висят на честном слове. Окна — черные провалы, только на четвертом этаже, крайнее, занавешено какой-то тряпкой.

Тряпка колыхалась от ветра. Худая, грязная, в дырах.

Дмитрий спрятал велосипед в кустах сирени. Кусты раз-

рослись как бешеные, доставали до пояса, колючие, злые. Он протиснулся сквозь них, встал за дерево.

И начал ждать.

Время тянулось резиновое.

Дмитрий стоял за деревом и смотрел на окно четвертого этажа. Тряпка колыхалась. Иногда за ней мелькала тень. Быстрая, маленькая. Девочка.

Она ходила по квартире. Жила.

Он достал рисунок, развернул. Посмотрел на кривые фигурки. «МОЯ СЕМЯ».

— Я здесь, — сказал он шепотом. — Я пришел.

Рисунок молчал. Только бумага чуть шелестела на ветру.

Он убрал его обратно, в карман, к сердцу.

Солнце поднималось медленно. Час, два, три. Дмитрий не двигался. Смотрел на окно и ждал.

Тень появлялась каждые полчаса. Замирала у окна, будто смотрела вниз, и исчезала. Она знала, что он там? Чувствовала? Или просто проверяла улицу?

К полудню Дмитрий проголодался. Достал из рюкзака галету, пожевал, запил водой. Не отрывая глаз от окна.

На четвертом этаже зажглась керосинка. Слабый, мерцающий свет. Девочка готовила обед. Или грелась. Или просто зажгла, чтобы не так страшно было днем.

Дмитрий смотрел на этот свет и думал: как она там? Одна. Год. В пустой квартире, среди мертвых соседей, среди скелетов на лестнице. Как не сошла с ума?

А потом вспомнил прозрачную Анечку. Вспомнил, как она сложила ладони в молитве. И подумал: может, она не одна. Может, у нее тоже есть гости.

К вечеру Дмитрий замерз.

Солнце село, температура упала. Октябрьский холод пробирал сквозь куртку, заставлял ежиться. Он переминался с ноги на ногу, прятал руки в карманы. В правом кармане — рисунок. В левом — пусто.

Свет в окне горел все ярче. Девочка зажгла еще одну свечу. Или керосинку. Тени на стене плясали, метались, жили своей жизнью.

Дмитрий смотрел на этот свет и думал о Серёже и Анечке. Где они сейчас? Может, тоже сидят в какой-нибудь квартире, жгут свечи и ждут. Ждут, что кто-то придет.

Он достал рисунок, посмотрел еще раз. Кривые фигурки, солнце, трава. «МОЯ СЕМЯ».

— Я найду вас, — сказал он тихо. — Обещаю.

Убрал рисунок и вышел из укрытия.

Подъезд встретил его привычной вонью.

Моча, крысы, плесень, сладкий запах. Но здесь к этому примешивалось еще что-то. Жилое. Человеческое. Запах еды — консервной, дешевой, но еды. Запах тепла — горелого дерева и керосина. Запах жизни посреди смерти.

Дмитрий включил фонарь. Луч выхватил из темноты горы мусора, разбитые почтовые ящики, чью-то обувь. Он начал подниматься.

Лестница была узкая, с высокими ступеньками, вытертыми до бетона. Перила кое-где отвалились, торчала ржавая арматура. Стены в подтеках, в граффити, в надписях, которых никто не читал.

На втором этаже — скелет. Женский, в халате. Сидел на ступеньках, прислонившись к стене, будто ждал автобуса. Череп повернут к двери, глазницы пустые, руки сложены на коленях. В одной руке — ключи. В другой — мобильник, давно севший, покрытый пылью.

Дмитрий перешагнул. Краем глаза увидел: на пальце — кольцо. Обручальное. Ждала кого-то? Или просто села отдохнуть и не встала?

На третьем этаже — еще один. Мужской, в трусах и майке, лежал ничком, раскинув руки. Видно, падал уже на бегу. Рядом валялись тапки. Бежал к двери, не добежал.

Дмитрий перешагнул и пошел дальше.

Четвертый этаж.

Квартира 47. Дверь старая, деревянная, обитая дерматином. Дерматин порвался, торчала вата, желтая, старая. Замок — обычный, врезной, закрыт. Ручка блестела — ее трогали. Недавно.

Дмитрий постоял минуту, прислушиваясь. Из-за двери не доносилось ни звука. Ни шагов, ни голосов, ни кашля, ни дыхания. Только тишина. Но тишина здесь была другая — не мертвая, а настороженная. Тишина того, кто затаился и не дышит.

Он поднял руку, постучал.

Три раза. Коротко. Громко.

Тишина.

Он постучал еще раз. Сильнее. Кулаком.

За дверью что-то упало. Металлическое. Кастрюля?

Кружка? Потом шаги — легкие, быстрые, почти невесомые.

Замерли у двери.

— Кто там? — голос детский, хриплый, но не испуганный.

Злой скорее. Усталый. Как у человека, который уже все видел и ничего не боится, потому что бояться уже сил нет.

— Дмитрий. Из администрации.

— Чего надо?

— Открой. Поговорить надо.

— Не открою.

— Алиса, да? Я знаю, что ты там. Открой, я один. Без оружия.

Он врал. Пистолет был за поясом, под курткой. Тяжелый, холодный, прижимался к животу. Но ей откуда знать?

Пауза. Долгая. Секунд двадцать, а может, целую вечность. Дмитрий стоял, смотрел на облезлый дерматин и слушал, как стучит сердце. Гулко, сильно, будто кто-то молотком изнутри.

Потом щелкнул замок, дверь приоткрылась на цепочку.

В щели блеснул глаз. Темный, огромный, настороженный. Смотрел прямо на него, изучал, оценивал. Глаз не моргал.

— Чего надо? — повторила она.

— Проверить, как ты. Жива ли. Есть ли чего. Помочь если чем.

— Не надо мне помощи. Жива. Иди отсюда.

— Алиса, погоди. Я не забирать пришел. Я... — он загнулся, не зная, что сказать. Как объяснить этой дикой, худой, злой девчонке, что он просто не мог не прийти? Что рисунок в кармане жжет кожу? Что внутри, там, где пять лет было пусто, вдруг зашевелилось что-то живое? — Я просто посмотреть. Убедиться, что ты есть.

Глаз в щели смотрел долго. Очень долго. Потом дверь закрылась, лязгнула цепочка, и открылась снова — уже настежь.

Она стояла в проеме, маленькая, худая, как воробей.

Огромный взрослый свитер висел на ней мешком. Серый, с чужого плеча — с чужого мертвого плеча, судя по виду. Рукава закатаны до локтей, но все равно болтались. Ноги босые, грязные, пальцы в цыпках. Волосы спутаны, давно не чесаны, висят космами.

Лицо худое, острое, скулы торчат. Глаза темные, огромные, смотрят без страха. С усталостью. С такой глубокой, взрослой усталостью, какой не должно быть у десятилетнего ребенка.

— Заходи, — сказала она. — Только разуйся. Полы помыла.

Дмитрий вошел, нагнулся, начал разуваться. Полы в прихожей были чистыми — вымытыми, без пыли и грязи. По-

середине стояло ведро с водой, тряпка. Рядом — тазик с посудой.

— Сама моешь? — спросил он.

— А кому еще? — она закрыла дверь, заперла на два замка. Проверила ручку — дернула пару раз. — Проходи в комнату.

Он прошел.

Комната была маленькой, стандартной для хрущевки. Диван с пружинами, которые выпирали из драного чехла. Стол, два стула, шкаф-стенка с посудой. На подоконнике — горшки с луком. Три штуки. Лук зеленый, свежий, тянулся к свету, к серому небу за окном.

На столе — керосинка, тарелка, кружка, ложка. Чайник, старый, эмалированный, с отбитой эмалью. В углу — ведро с водой, накрытое крышкой. Рядом поленица из книг — аккуратно сложенных, ровными рядами.

На стене — детские рисунки. Принцессы, цветы, домики. Солнце, облака, деревья. Всё, что рисуют девочки.

Алиса села на стул, закинула ногу на ногу. Смотрела на него. Взгляд прямой, немигающий, как у старой женщины, которая всё уже видела и ничего не боится.

— Садись. Чего стоишь?

Дмитрий сел на диван. Пружины жалобно скрипнули, просели под тяжестью.

— Откуда вода? — спросил он.

— В подвале насосная. Ручная. Качаю понемногу. Там во-

да есть, если знать где. — она говорила спокойно, деловито, как о чем-то обычном. — Насос старый, но работает. Тяжело только. Много не накачаешь.

— А еда?

— Хожу по квартирам. Там много осталось. Консервы, крупы, макароны. Главное — не бояться заходить. — она пожалала плечами. — Я сначала боялась. А потом привыкла. Они не страшные. Они просто лежат.

— А мертвецы? — Дмитрий сам не заметил, как задал этот вопрос.

Алиса посмотрела на него долгим взглядом.

— Лежат, — сказала она. — Я их не трогаю, они меня не трогают. Некоторые страшные — которые разложились сильно. Но я в такие квартиры не хожу. Там и брать нечего.

Дмитрий смотрел на нее и не верил своим глазам. Десять лет. Одна. В пустом городе. Год. Как она не сошла с ума? Как не умерла от страха, от голода, от холода?

— Ты знаешь, зачем я пришел? — спросил он.

— Знаю. — она смотрела прямо, не отводя глаз. — Вы меня забирать будете. В лабораторию.

— Откуда...

— Слышала. — она помолчала, поправила свитер. — Люди ходили здесь неделю назад. Смотрели, записывали. Я пряталась в подвале. Они меня не нашли. Но вы нашли.

— Это не я. Это другие.

— А ты чего пришел?

Дмитрий не знал, что ответить. Он вытащил из рюкзака банку тушенки, галеты, шоколадку — последнюю, припасенную на черный день. Поставил на стол.

— Вот. Принес.

Алиса посмотрела на банку, потом на него. В глазах мелькнуло что-то — не благодарность. Удивление. Настоящее, детское удивление, которое она не смогла спрятать.

— Зачем?

— Не знаю. — он правда не знал. — Просто принес.

Она взяла банку, повертела в руках, поставила обратно. Посмотрела на шоколадку — долго, с голодным блеском в глазах.

— Спасибо.

Повисла тишина. Дмитрий смотрел на нее, она на него. В комнате было тепло — топила, видимо, чем-то. Печка-буржуйка стояла в углу, рядом поленица из книг. Несколько книг уже были пущены на растопку — лежали в ящике, изорванные, почерневшие.

— Книгами топишь? — спросил он.

— А чем еще? — она усмехнулась, но как-то грустно. — Мебель жалко. Мебель еще пригодится. А книг много. Все равно никто не читает.

— А ты читаешь?

— Читаю. — она кивнула на полку. Там стояли книги, аккуратно, корешками наружу. Штук двадцать, не больше. — Сказки люблю. И про приключения. Тут в квартирах много

книг. Я собираю.

Дмитрий встал, подошел к полке. Провел пальцем по корешкам. Андерсен, Пушкин, «Алиса в Стране чудес». Он обернулся.

— Алиса — это ты?

— Ага. Мама назвала. Любила эту книжку.

— Мама где?

— Умерла. — она сказала это спокойно, будто о погоде.

— В прошлом году. Дата у нее была.

— Похоронила?

— В парке. Под березой. Там красиво. — она помолчала.

— Я цветы сажала. Весной. Они засохли.

Дмитрий смотрел на нее и чувствовал, как внутри закипает что-то тяжелое, злое. На кого злое — не понятно. На солнце, которое вспыхнуло. На дураков, которые придумали эти даты. На себя, который сидит здесь и не знает, что делать.

— Алиса, — сказал он, — завтра утром сюда приедут люди из Нового центра. На фургоне. Они заберут тебя в лабораторию.

— Знаю.

— Ты не боишься?

— Боюсь. — она смотрела на него спокойно. — А что делать?

Дмитрий молчал. Он не знал, что ответить.

— Ты можешь уйти, — сказал он наконец. — Прямо сейчас. Уйти из города, в лес, в деревни. Там никого нет, можно

спрятаться.

— А еда? А вода? А зима? — она покачала головой. — Я не дура. Я тут год прожила. Я знаю, что зимой тут не выжить без дома и без запасов. В лесу холодно. В деревнях все мертвые. Я умру за неделю.

— Тогда что?

Она посмотрела на него долгим взглядом. Глаза у нее были темные, почти черные, и в них плескалось что-то такое, отчего у Дмитрия засосало под ложечкой.

— А ты? — спросила она тихо. — Ты можешь меня спрятать?

Дмитрий замер.

— У меня есть место, — сказал он медленно. — Книжный магазин на окраине. Там тепло, есть книги, можно жить. Но если меня поймают — обоим конец.

— Поймают?

— За то, что помогаю «просрочке». Это статья. Выгонят из администрации, пайка не будет, крыши не будет. И меня тоже заберут. Может, не в лабораторию, но в подвал — точно.

Алиса молчала. Смотрела на него. В комнате было тихо, только керосинка шипела да за окном ветер гулял.

— Ты чего хочешь? — спросила она.

— Не знаю. — Дмитрий сел обратно на диван. Пружины снова скрипнули. — Честно — не знаю. Я пять лет жил как робот. Вставал, жрал, работал, спал. Не чувствовал ничего.

А сегодня... — он замолчал, полез в карман, вытащил рисунок. Развернул, показал ей. — Видишь?

Алиса взяла рисунок, посмотрела. Долго, внимательно, как смотрят на что-то очень важное.

— «МОЯ СЕМЯ», — прочитала она. — Красиво. Мальчик рисовал?

— Да. В квартире нашел. Там вся семья умерла. Мужик в кресле, перед телевизором. Бутылка виски, пепельница полная. А дети — Серёжа и Анечка — их нет. Может, умерли, может, бродили где. Я не знаю. Но рисунок этот... — он замолчал, подбирая слова. — Я не смог его там оставить. Понимаешь? Не смог.

Алиса смотрела на рисунок долго. Потом подняла глаза. — Ты хороший, — сказала она просто. — Ты не робот. Дмитрий усмехнулся. Горько, криво, одними уголками губ.

— Я чистильщик. Я тысячи трупов убрал. Я их в мешки ссыпал, как мусор. Какой я хороший?

— А рисунок зачем взял?

Он не ответил.

Алиса встала, подошла к окну, отодвинула занавеску. Посмотрела на улицу. За окном было серо, пусто, ветрено. Качели во дворе висели неподвижно.

— Они за мной придут завтра утром? — спросила она, не оборачиваясь.

— Да.

— Во сколько?

— Не знаю. Рано. Они любят рано. Чтобы никто не видел. Она помолчала. Смотрела в окно.

— Забирай меня сегодня. Ночью.

Дмитрий смотрел на ее тонкую спину в огромном свитере.

На худые плечи, на спутанные волосы, на то, как она сжимает край занавески побелевшими пальцами.

— Ты уверена?

— А у меня выбор есть? — она обернулась. Лицо у нее было спокойное, только глаза блестели. — Если останусь — заберут в лабораторию. Там, говорят, опыты делают. Дети не возвращаются. Если уйду с тобой — может, выживу. Рискнуть можно.

Он встал, подошел к ней.

— Собирай вещи. Только самое нужное. Теплое, еду, воду. Остальное потом. Если надо будет — вернемся.

Алиса кивнула и ушла в другую комнату.

Дмитрий остался один. Стоял у окна, смотрел на пустой двор, на качели, которые не скрипели, на серое небо. В кармане, у сердца, лежал рисунок. «МОЯ СЕМЯ».

Он делал то, за что его вышвырнут из администрации. То, за что его могут убить. То, что пять лет назад он назвал бы идиотизмом.

Но внутри, там, где было пусто, сейчас что-то горело. Слабо, но горело. Как свеча в темной комнате.

Алиса собралась быстро.

Дмитрий даже удивился, как быстро. Минут через десять она вышла из второй комнаты с маленьким рюкзаком. Рюкзак был детский, розовый, с единорогом. Наверное, еще с той жизни, когда была мама, когда был дом, когда всё было нормально.

— Там тушенка, галеты, фляга с водой, — сказала она. — И теплые носки. И книжка.

— Какая?

— «Алиса». Та самая, про Страну чудес. Мамина.

Она надела куртку — тоже великоватую, взрослую, с чужого плеча. Застегнулась, подняла воротник.

— Всё, — сказала она. — Пошли.

Дмитрий кивнул. Они вышли в коридор. Алиса обернулась, посмотрела на дверь. Заперла на два замка — привычка.

— Жалко квартиру, — сказала тихо. — Я тут год прожила.

— Ничего. Новая будет.

— Будет?

— Посмотрим.

Они спустились по лестнице. Алиса шла спокойно, даже не смотрела на скелеты. Перешагивала через них, как через кочки. Привыкла.

На третьем этаже она остановилась возле мужика в майке. Посмотрела на него.

— Этот, — сказала она. — Дядя Толя. Он в третьей квар-

тире жил. Добрый был. Когда я только осталась, он мне хлеб давал. А потом умер. Я его тут и оставила. Не смогла тащить.

Дмитрий смотрел на нее и молчал.

— Пошли, — сказала Алиса и пошла дальше.

На улице уже темнело. Солнце село, небо стало темно-синим, почти черным. Ветер стих. Стало тихо. Очень тихо.

Дмитрий достал велосипед из кустов.

— Садись на багажник. Держись крепко. Ехать далеко.

Алиса села, обхватила его за пояс. Руки у нее были холодные, даже через куртку чувствовалось.

Он нажал на педали, и они поехали.

Город проплывал мимо — темный, пустой, молчаливый. Дома стояли черными громадами, окна зияли пустотой. В некоторых, очень редко, мерцал свет — свечи, керосинки. Там тоже кто-то жил. Долгожители, такие же, как он. Или «просрочки», такие же, как она.

Ветер дул в лицо, холодный, октябрьский. Алиса молчала. Только сильнее сжимала его куртку.

Дмитрий крутил педали и думал: что он делает? Зачем? Почему именно эта девчонка, а не та, другая, которую нашли в прошлом году и увезли в фургоне? Почему он не смог пройти мимо?

Ответа не было.

Было только чувство — горячее, живое, настоящее. То, что он похоронил пять лет назад.

В книжный магазин приехали, когда совсем стемнело.

Дмитрий слез с велосипеда, огляделся. Улица была пуста. Только ветер гонял мусор. Он открыл дверь черного хода — старую, железную, обитую ржавым листом — и пропустил Алису вперед.

Она вошла, огляделась.

Внутри было темно, хоть глаз выколи. Пахло пылью, бумагой, плесенью и еще чем-то неуловимым — старым, забытым. Дмитрий включил фонарь, луч выхватил из темноты стеллажи с книгами — высокие, до потолка, уходящие в глубину.

— Ничего себе, — сказала Алиса шепотом. — Тут их тысячи.

— Ага. Будешь читать — на всю жизнь хватит.

Они поднялись на второй этаж по скрипучей лестнице. Там была комната — маленькая, заставленная коробками. Дмитрий отодвинул коробки, освободил раскладушку. Зажег керосинку — стало светло и тепло.

— Располагайся, — сказал он. — Я тут рядом буду, на полу. Если что — кричи.

Алиса села на раскладушку, огляделась. Взяла с полки книгу, полистала.

— Тут правда можно жить, — сказала она.

— Можно. — Дмитрий сел на пол, прислонился к стене. — Только тихо надо. Никому не показываться. Днем я буду уходить на работу, как обычно. Ты сидишь здесь, не высываешься. Еду буду приносить.

— А если кто-то придет?

— Никто не приходит. Это место я давно нашел, оно тихое. Сюда даже мародеры не заглядывают — книжки им не нужны.

Алиса кивнула.

Дмитрий посмотрел на нее. Худенькая, бледная, но глаза живые. Не боится. Или боится, но не показывает.

— Ложись спать, — сказал он. — Завтра будет трудный день.

Она легла на раскладушку, свернулась калачиком, укрылась курткой. Помолчала, потом спросила:

— А ты?

— Я посижу.

— Боишься?

— Привык.

Она закрыла глаза. Через минуту дыхание стало ровным, глубоким — уснула. Доверилась.

Дмитрий сидел у окна, смотрел в темноту. За стеклом было черно — ни огонька, ни фонаря, ни звезд. Город спал. Или притворялся.

Где-то далеко, в 15-м квартале, ищейки из Нового центра приедут утром и найдут пустую квартиру. Будут искать, злиться, может, даже устроят облаву. Но это будет завтра.

А сегодня он сидел и слушал, как дышит во сне маленькая девочка с пустой рукой. Дышала ровно, спокойно. Как дома.

Дмитрий достал рисунок, развернул, посмотрел при свете

керосинки.

«МОЯ СЕМЯ».

Серёжа и Анечка. Где вы?

Он убрал рисунок, закрыл глаза.

Внизу, в магазине, кто-то ходил. Шаги были легкие, почти невесомые. Не похожи на те, тяжелые, что бродили по офису.

Другие. Тихие. Осторожные.

Дмитрий не пошел проверять. Просто сидел и слушал.

Шаги стихли.

Глава 4.ГОСТИ

Ночь в книжном магазине оказалась не такой тихой, как надеялся Дмитрий.

Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и смотрел, как мерцает керосинка. Алиса спала на раскладушке, свернувшись калачиком, укрывшись курткой. Дышала ровно, спокойно. Впервые за много лет Дмитрий слышал рядом с собой живое дыхание.

Оно мешало. И успокаивало одновременно.

Где-то внизу, в темноте магазина, кто-то ходил.

Шаги были легкие, почти невесомые. Не похожи на те, тяжелые, что бродили по коридорам офиса. Другие. Осторожные. Будто кто-то крался между стеллажами, рассматривал книги, трогал корешки.

Дмитрий не пошел проверять. Сидел и слушал.

Шаги стихали, потом возобновлялись. Иногда к ним присоединялся шепот — неразборчивый, тихий, как шум дождя. Дмитрий не мог разобрать слов. Да и не хотел.

Он достал рисунок, развернул. При свете керосинки рассматривал кривые фигурки, солнце, траву. «МОЯ СЕМЯ».

— Я найду вас, — сказал он шепотом. — Обещаю.

Рисунок молчал. Только бумага чуть шелестела в пальцах.

Дмитрий убрал его в карман, закрыл глаза. Шаги внизу стихли окончательно. Наступила тишина. Такая плотная,

что звенело в ушах.

Он провалился в сон незаметно — просто закрыл глаза, а открыл их уже утром.

Алиса сидела на полу и читала.

Дмитрий открыл глаза и несколько секунд не понимал, где находится. Потолок был незнакомый — высокий, с деревянными балками. Пахло бумагой, пылью и еще чем-то... теплым. Живым.

Алиса сидела в кругу из книг. Она разложила их вокруг себя веером — штук двадцать, наверное. Читала вслух, тихо, но в утренней тишине каждое слово звучало отчетливо:

— "...и побежала Алиса за белым кроликом, провалилась в нору и полетела вниз, вниз, вниз. И думала она: интересно, сколько миль я уже пролетела? Наверное, я приближаюсь к центру Земли..."

Дмитрий сел, потер лицо. Алиса подняла глаза, улыбнулась.

— Доброе утро.

— Доброе. Ты чего делаешь?

— Читаю. — она погладила книгу. — Я всегда по утрам читаю. Привычка.

— А книги зачем разложила?

Алиса посмотрела на него странно. Будто он спросил что-то глупое.

— Так они слушают.

— Кто?

Она кивнула куда-то в сторону. Дмитрий повернул голову и замер.

В углу комнаты стояла старуха.

Он не сразу понял, что видит ее. Полупрозрачная, серая, как утренний туман. Сквозь нее просвечивали книги на полке, стена, пятно плесени. Старуха была в платке, в длинной юбке, в фартуке. Стояла и смотрела на Алису.

Дмитрий не мог пошевелиться. Воздух в комнате стал холодным, плотным.

— Алиса... — голос сел. — Ты ее видишь?

— Бабу Машу? — Алиса даже не обернулась. — Конечно вижу. Она каждый день приходит. Соседка из дома напротив. В библиотеку ходила, книжки любила.

Старуха кивнула. Медленно, приветливо. Улыбнулась беззубым ртом.

— Она... — Дмитрий сглотнул. — Она мертвая?

— Ну да. — Алиса пожала плечами. — А кто же еще?

Дмитрий смотрел на старуху. Та смотрела на него. Потом перевела взгляд на Алису и снова заулыбалась.

— Давно ты их видишь? — спросил он.

— С тех пор как мама умерла. — Алиса закрыла книгу, погладила обложку. — Сначала только ее видела. Она приходила, сидела рядом, смотрела. Потом другие стали приходить. Соседи, знакомые. А когда я сюда переехала, тут их много оказалось. Наверное, книжки приманивают.

Старуха вдруг подняла руку и помахала Дмитрию. Тон-

кой, прозрачной рукой, сквозь которую было видно стену.

Дмитрий не ответил. Не мог.

Алиса встала, подошла к нему. Взяла за руку — ладошка маленькая, холодная, но живая.

— Не бойся, — сказала она. — Они добрые. Баба Ма-ша, вон дядя Коля, — она кивнула в другой угол, и Дмитрий только сейчас заметил там еще одну фигуру, мужскую, в рабочей робе, — они при жизни хорошие были. Им просто послушать хочется.

— А... другие?

— Всекие есть. — Алиса помрачнела. — Добрые — как эти. А есть злые. Которые умерли в злости. Кричали, дрались, не хотели уходить. Их я боюсь. Они могут тронуть.

— Трогали?

Алиса помолчала. Потом медленно, не глядя на него, закатала рукав свитера.

На худеньком запястье, чуть выше того места, где должна быть дата, виднелись синяки. Пять пальцев — будто кто-то сжал сильно, до боли, до синевы.

— Один раз, — сказала она тихо. — Месяц назад. Мужик какой-то, пьяный, наверное. Пришел, орал, требовал, чтобы я ему наливала. Я читала, а он орал. А потом схватил.

Дмитрий смотрел на синяки, и внутри у него всё оборвалось. Там, где пять лет было пусто, вдруг поднялась такая волна, что он едва устоял на ногах.

— Больше не подойдут, — сказал он хрипло. — Я рядом.

Алиса посмотрела на него долгим взглядом. Темные глаза на бледном лице — два озера, две бездны.

— Ты тоже их видишь?

— Нет. Только бабу Машу.

— Научись. Они сами покажутся, если ты им нужен.

— Зачем я им?

— Не знаю. — она зевнула, прикрыв рот ладошкой. — Я есть хочу. Ты принес чего?

Дмитрий достал из рюкзака банки, хлеб, воду. Они сели завтракать. Алиса ела жадно, быстро, будто боялась, что отнимут. Тушенку макала хлебом, запивала водой, грызла галеты.

Дмитрий жевал и краем глаза следил за углом. Старуха стояла на месте. Смотрела на них. Не мигая. Потом медленно растаяла — как дым на ветру.

— Ушла, — сказала Алиса, не оборачиваясь. — Она всегда после завтрака уходит. Приходит вечером, когда я читаю.

— Сколько их всего?

— Много. Я не считала. Десятка два, наверное. Может, больше.

Дмитрий отложил галету. Есть расхотелось.

— Алиса, — сказал он. — Это нормально? Ты понимаешь, что это... не нормально?

— А что сейчас нормально? — она посмотрела на него удивленно. — Люди даты свои видят. Мир умер. Я одна в городе живу. А ты говоришь — нормально?

Он не нашелся, что ответить.

После завтрака Алиса убрала посуду, сложила книги обратно на полку. Дмитрий сидел и смотрел на нее. Маленькая, худая, в огромном свитере. Десять лет. А говорит и смотрит как взрослая.

— Алиса, — позвал он. — Расскажи про маму.

Она замерла. Не обернулась.

— Зачем?

— Не знаю. Хочу понять.

Она помолчала. Потом села на пол, обхватила колени руками.

— Она умерла в прошлом году. Весной. Дата у нее была — пятнадцатое мая. Она знала. Мы обе знали. — голос у Алисы был ровный, спокойный, но Дмитрий видел, как побелели пальцы, сжимающие колени. — Она готовилась. Письмо мне написала, еды на месяц оставила. Сказала, чтобы я не боялась. Что все будет хорошо.

— И что?

— А ничего. Пятнадцатого мая она легла спать и не проснулась. Я утром пришла будить, а она уже холодная.

Алиса замолчала. Дмитрий ждал.

— Я ее три дня в квартире держала. Не могла похоронить. Думала, может, оживет? Глупая. — она усмехнулась, но усмешка вышла кривая. — Потом потащила в парк. Там береза была, красивая. Я яму выкопала руками, палкой. Долго копала. Зарыла, крест поставила из палок. Цветы посади-

ла. Весной. Засохли.

Дмитрий смотрел на нее и молчал. Слова кончились.

— А потом она приходит начала, — продолжила Алиса. — Сначала я думала — кажется. Ночью сидит на краю кровати, смотрит. Я звала — не отвечала. Потом заговорила. Сказала, что не может уйти. Застрыла. Просила читать ей книжки. Она при жизни любила, когда я читала.

— И ты читала?

— Ага. Каждый вечер. Потом другие приходят стали. Соседи, потом незнакомые. Баба Маша, дядя Коля. Они тоже просили читать. Говорят, им легче становится.

Дмитрий вспомнил прозрачную Анечку. Ее ладони, сложенные в молитве.

— А дети? — спросил он. — Дети приходили?

Алиса посмотрела на него внимательно.

— Были. Двое. Мальчик и девочка. Неделю назад приходили. Просили почитать сказки. Я читала, они слушали. Потом ушли.

У Дмитрия перехватило дыхание.

— Мальчик... он рисовал? Девочка в розовом платье?

Алиса удивленно подняла брови.

— Откуда ты знаешь?

Он достал рисунок, что показывал Алисе однажды, развернул, протянул ей.

— Это его!

Алиса взяла рисунок, посмотрела в этот раз внимательно

и очень долго.

— Его, — сказала она тихо. — Я вспомнила и такой вида. У мальчика в руках был, когда они приходили. Очень похожий.

— Где они?

— Не знаю. Пришли, послушали, ушли. Я не спрашивала. Они не говорят почти. Только слушают.

Дмитрий сжал рисунок в руках.

— Алиса, — сказал он. — Мне нужно их найти. Серёжу и Анечку.

— Зачем?

— Не знаю. — он правда не знал. — Должен.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Потом кивнула.

— Я помогу.

День тянулся медленно.

Дмитрий не пошел на работу. Впервые за пять лет он просто остался на месте. Сидел у окна, смотрел на улицу, думал.

Алиса читала. Сидела на полу, перебирала книги, иногда читала вслух. К вечеру в комнате стало прохладно — она затопила буржуйку, подкинула книг. Дмитрий смотрел, как горят страницы, и думал о том, сколько историй уходит в пепел.

К закату пришли гости.

Дмитрий увидел их не сразу. Сначала почувствовал холод. Потом услышал шепот — тихий, как шум дождя. Потом поднял голову и замер.

Их было много. Десятка два. Сидели на полу, на книгах, на коробках. Старухи, мужики, женщины, дети. Все полупрозрачные, серые, с пустыми глазами. Все смотрели на Алису.

Алиса сидела в центре, раскрыв книгу, и читала вслух:

— "...и побежала Алиса дальше, и увидела Чеширского кота, который сидел на дереве и улыбался. «Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?» — спросила Алиса. «А куда ты хочешь попасть?» — спросил кот..."

Гости слушали. Не дышали — потому что нечем. Но слушали.

Дмитрий сидел не шевелясь. Боялся пошевелиться, боялся спугнуть, боялся, что они исчезнут.

Он искал глазами Серёжу и Анечку. Но их не было.

Алиса читала долго. Минут сорок, может, час. Когда она закрыла книгу, гости начали таять. Медленно, как туман на солнце. Сначала дети, потом женщины, потом старики. Последней исчезла баба Маша — перед тем как растаять, она улыбнулась Алисе и перекрестила ее.

В комнате снова стало пусто.

— Их нет сегодня, — сказала Алиса. — Серёжи и Анечки.

— Придут?

— Не знаю. Они не каждый день приходят.

Дмитрий кивнул. Достал рисунок, развернул. Посмотрел на кривые фигурки.

— Я подожду.

Ночью он опять не спал. Сидел у окна, смотрел на темный город. Алиса спала на раскладушке, свернувшись калачиком. Гости ушли, но внизу, в магазине, кто-то ходил. Шаги были легкие, почти невесомые. Иногда к ним присоединялся шепот.

Дмитрий не боялся. Привык.

Он думал о Серёже и Анечке. Где они? Почему не пришли? Может, им плохо? Может, они не могут найти дорогу?

Рисунок лежал в кармане, у сердца. Теплый, живой.

— Я вас найду, — сказал он в темноту. — Обещаю.

Шаги внизу стихли. Наступила тишина.

Дмитрий закрыл глаза и провалился в сон — тяжелый, без сновидений.

Утро пришло серое, холодное.

Алиса уже не спала. Сидела на полу, разложив книги, и читала. Гостей не было.

— Не приходили? — спросил Дмитрий.

— Нет. — она покачала головой. — Может, днем придут.

Они днем тоже иногда приходят.

Дмитрий встал, умылся из фляги, пожевал галету. Посмотрел в окно. Город лежал внизу, тихий, пустой, бесконечный.

— Мне надо на работу, — сказал он. — Вернусь вечером.

Сиди тихо, никому не открывай.

— А если гости?

— Какие гости?

— Те, которые внизу. — она кивнула на пол. — Они иногда стучат.

Дмитрий помолчал.

— Не открывай. Они не обидятся.

Алиса кивнула.

Он собрался, проверил пистолет, рюкзак. На выходе обернулся.

— Пароль помнишь?

— «Ракушка».

— Умница!

Он вышел, прикрыл дверь. Подождал, пока щелкнет замок. Потом спустился вниз.

В магазине было тихо. Книги стояли на полках, пыльные, старые, забытые. Дмитрий прошел к выходу, уже взялся за ручку, когда услышал шепот.

— Дима...

Он замер. Шепот повторился — тихий, детский.

— Дима... помоги!!!

Дмитрий обернулся. В углу, между стеллажами, стояла девочка. Маленькая, лет пяти, в розовом платье. Прозрачная, как утренний туман. Анечка.

Она смотрела на него и тянула руки.

— Помоги... — прошептала она. — Братик... там...

И исчезла.

Дмитрий стоял, вцепившись в ручку двери. Сердце колотилось где-то в горле.

Она приходила. Просила.

— Где? — крикнул он в пустоту. — Где он?

Тишина. Только книги молчали на полках.

Дмитрий выбежал на улицу, сел на велосипед и поехал.

Не в офис. Искать.

Глава 5. ПОИСК

Дмитрий вылетел из магазина, не помня себя. Велосипед он схватил на ходу, вскочил и погнал прочь от книжных стеллажей, туда, где в серой утренней дымке угадывались крыши города.

«Братик... там...»

Где — «там»? Анечка не успела сказать. Или не смогла. Слишком слабая, слишком прозрачная, почти растворившаяся в утреннем свете. Он нажал на педали сильнее. В голове стучало: надо искать. Сейчас. Сразу. Пока не поздно.

Город встретил его привычной тишиной. Вороны сидели на крышах, на карнизах, на светофорах, смотрели, как он несется по проспекту, лавируя между ржавыми остовами машин. Дмитрий крутил педали, не разбирая дороги. Куда ехать? Где искать мальчика, которого он видел только на рисунке?

Он резко затормозил у сгоревшего «Пятёрочки», перевел дыхание. Надо думать. Не бежать, не рваться, а думать.

Анечка пришла в магазин. Значит, она знает, где брат. Но не может сказать — или не успела. Слишком слабая. Алиса говорила: детские призраки — самые хрупкие, они быстро угасают, если за них никто не держится.

Дмитрий достал планшет. Старая модель, экран в трещинах, но работает. Открыл список адресов, где работал за по-

следние дни. Улица Ленина, 43 — квартиры 12, 15, 31. Там он нашел старушку со слониками. Там же была квартира Ковалёвых. Дети оттуда. Может, они и сейчас там?

Он развернул велосипед и поехал обратно, к центру.

Улица Ленина, 43. Панельная девятиэтажка стояла на месте, облезлая, серая, с проваленными балконами. Дмитрий прислонил велосипед к стене, вошел в подъезд. Запах ударил в лицо — сырость, крысиный помёт, сладковатая вонь, въевшаяся в стены. Он включил фонарь и начал подниматься.

На третьем этаже — скелет. Мужик с ключами, скорчился у двери. Дмитрий перешагнул, не глядя. Четвертый. Пятый. Шестой. Квартира 15.

Дверь была закрыта. Он толкнул стволom — заперто. Достал монтировку, ударил по замку. Тот хрустнул, дверь приоткрылась. Он вошел, прислушался.

Тишина. Только где-то в глубине квартиры тикали часы. Настенные, с маятником. Размеренно: тик-так, тик-так. Будто время здесь не остановилось пять лет назад, а продолжало идти.

Дмитрий прошел в гостиную. Сергей Петрович Ковалёв сидел в кресле — скелет в дорогом халате, руки на подлокотниках, череп чуть откинут назад. Телевизор разбит, на журнальном столике — пепельница, полная окурков, и бутылка виски.

— Серёжа? — позвал Дмитрий. Голос прозвучал глухо, чуждо в этой комнате смерти. — Анечка?

Никто не ответил. Часы тикали. Тик-так. Тик-так.

Он прошел в спальню. Женские вещи в шкафу, косметика на трюмо, духи «Шанель». На тумбочке — фотография в рамке. Та же женщина, улыбается в камеру. На оборотной стороне надпись: «Любимому от Лены. 8 марта 2021».

— Где вы, Лена? — спросил Дмитрий тихо. — Где ваши дети?

Фотография молчала.

Он прошел в детскую. Здесь ничего не изменилось. Игрушки на полу, кровать-чердак, рисунки на стенах. На письменном столе — раскрытая тетрадь. Дмитрий подошел, открыл. Детский почерк, карандаш. Буквы кривые, строчки пляшут.

«Мама, папа, я и собака Бим. Мы поехали на море. Там тепло. Я купался и нашел ракушку. Красивую. Подарю маме».

Он перелистнул страницу. Еще рисунки. Еще каракули. Жизнь маленького человека, который не знал, что скоро все кончится.

— Где ты, Серёжа? — спросил Дмитрий.

В комнате стало холодно. Он почувствовал это сразу — холод был не тот, обычный, а липкий, проникающий под кожу. Такой же, как вчера у ворот, когда приходила Анечка.

Дмитрий обернулся.

Мальчик стоял в углу, у окна. Серёжа. Такой же прозрачный, как сестра, в курточке, с шапкой в руках. Смотрел на

Дмитрия. Не плакал, не просил — просто смотрел.

— Ты Серёжа? — спросил Дмитрий.

Мальчик кивнул.

— Где ты? Я найду тебя. Только скажи.

Серёжа поднял руку и показал на дверь. На выход из квартиры. Потом на лестницу. Потом вниз.

— Не здесь? Ты не здесь?

Мальчик покачал головой. Показал на окно — на улицу, на город. Потом сложил ладони вместе, как в молитве, и прижал к груди. И исчез.

Дмитрий стоял, вцепившись в косяк. Он ушел. Но показал — не здесь. В другом месте.

Он вышел из квартиры, спустился на третий этаж. Перешагнул через мужика с ключами, замер. Посмотрел на него.

— Ты здесь пять лет лежишь, — сказал Дмитрий. — Видел, кто в подъезд заходил? Детей видел? Мальчика и девочку?

Скелет молчал. Череп повернут к двери, глазницы пустые, ключи в руке. Дмитрий покачал головой. Спрашивать мертвеца — последнее дело. Но других свидетелей нет.

Он спустился на первый этаж, вышел на улицу. Сегодня не работал — сегодня искал.

До вечера Дмитрий объехал три района. Заходил в дома, проверял адреса, где могли быть дети. Везде пусто. Скелеты, пыль, запах смерти. В одном доме на окраине он наткнулся на старую чистильщицу — бабушку Зину, которая работала

здесь с первого года.

— Детей ищешь? — спросила она, вытирая руки о грязный фартук. — Мало их осталось. Тех, кто не ушел. Кто застрял.

— Видела кого? Мальчик лет семи, сестренка маленькая. Бабка Зина задумалась.

— В районе вокзала видели. Месяц назад, может, два. Девочка в розовом, мальчик с ней. Чистильщик Петрович рассказывал. Он сам видел.

— Петрович?

— Ага. Пьяный он, но врать не станет. Спроси у него.

Дмитрий нашел Петровича в подсобке администрации. Старый чистильщик сидел на ящике, грел руки над керосинкой. Увидел Дмитрия, кивнул.

— Здорово, Корсаков. Давно не видел.

— Петрович, ты детей видел? У вокзала. Девочку в розовом.

Петрович поморщился, почесал щетину.

— Было дело. Месяц назад, может, больше. Иду я, значит, по улице, а она стоит. Маленькая, в розовом. Посмотрела на меня и в подъезд шмыг. Я за ней — пусто. Никого. А в подъезде том — трупы одни. Ну, думаю, показалось. А она не показалась. Я ж ее видел.

— А мальчик? С ней мальчик был?

— Мальчик? — Петрович задумался. — Может, и был. Не помню. Пьяный был.

— Какой адрес?

Петрович назвал. Вокзал, старый район, пятиэтажка у железной дороги.

Дмитрий запомнил. Поблагодарил и вышел.

В магазин он вернулся, когда солнце уже клонилось к закату. Алиса сидела на полу, разложив книги, и читала. Гости не было.

— Не приходили? — спросил Дмитрий.

— Нет. — она покачала головой. — Может, ночью придут.

Он сел на пол, прислонился к стене. Устал так, что кости ныли.

— Я нашел одного человека. Видел девочку в розовом. У вокзала.

Алиса оживилась.

— Анечку?

— Не знаю. Может, ее. Завтра поедем посмотрим.

— Я с тобой? — в голосе появилась надежда.

— Нет. Сиди здесь.

— Дима...

— Алиса, нет. Если там что-то есть, я не успею тебя защитить.

Она замолчала, насупилась. Но спорить не стала. Только спросила:

— А если найдешь?

— Тогда вернусь. Подумаем, что делать.

Она кивнула. Помолчала, потом сказала:

— Дима? Я чувствую их.

— Кого?

— Серёжу и Анечку. — Она закрыла глаза, будто прислушивалась к чему-то. — Они здесь. Рядом. Не в магазине, но близко. Они... они ждут.

— Чего ждут?

— Нас.

Дмитрий смотрел на нее. Худенькая, бледная, с закрытыми глазами. Лицо спокойное, почти взрослое.

— Откуда ты знаешь?

— Гости шепчут. — Она открыла глаза. — Баба Маша говорит, они ждут, когда их найдут. Не могут уйти.

— Почему?

— Застряли. Боятся. Или... не знают, как.

Дмитрий достал рисунок, развернул. Посмотрел на кривые фигурки, на солнце, на траву. «МОЯ СЕМЯ».

— Мы найдем их, — сказал он. — Завтра.

Алиса кивнула. Взяла его за руку.

— Я с тобой.

— Я сказал — нет.

— Я все равно пойду. — Голос спокойный, твердый. — Ты меня не оставишь. Я чувствую их лучше, чем ты. Без меня не найдешь.

Дмитрий посмотрел на нее долгим взглядом. Она смотрела в ответ — не отводила глаз. Упрямая, как сто чертей.

— Ладно, — сказал он. — Но если я скажу бежать — бе-

жишь. Не оглядываясь.

— Поняла.

Она улыбнулась. Коротко, быстро, но улыбнулась.

Ночью Дмитрия разбудил крик.

Он вскочил, рука нащупала пистолет. Алиса сидела на раскладушке, бледная, глаза открыты, но не видят. Губы шевелятся.

— Алиса!

Она не отвечала. Смотрела куда-то в угол, где темнота была гуще. Дмитрий проследил за ее взглядом.

Там стояла девочка. Анечка. Прозрачная, как утренний туман. Смотрела на Алису. Потом перевела взгляд на Дмитрия.

— Завтра, — сказала Алиса чужим голосом. Голос был детский, звонкий, но не ее. Анечки. — Завтра вы нас найдете. Мы ждем.

— Где? — спросил Дмитрий.

— Там, где шумно. Где поезда ходят.

— Вокзал?

Анечка кивнула. И исчезла.

Алиса моргнула. Посмотрела на Дмитрия.

— Что? — спросила она. — Что случилось?

— Она приходила. Анечка.

— Я... я слышала. — Алиса потерла виски. — Как будто издалека. Она сказала — вокзал.

— Там и будем искать.

Она кивнула. Легла обратно, укрылась одеялом.

— Дима?

— Что?

— Мы найдем их. Я знаю.

— Откуда?

— Чувствую!

Она закрыла глаза. Через минуту дыхание стало ровным.

Дмитрий сидел, смотрел в темноту. Рисунок лежал в кармане, у сердца.

Завтра они пойдут на вокзал.

Утром они собрались рано. Дмитрий проверил пистолет — семь патронов в обойме. Запасную сунул в карман. В рюкзак — банку тушенки, галеты, флягу с водой. Алиса натянула свой огромный свитер, куртку, шапку. Рюкзачок с единогогом за спину.

— Готова?

— Ага.

— Пароль помнишь?

— «Ракушка».

— Умница!

Они вышли на улицу. Город лежал перед ними серый, холодный, пустой. Дмитрий достал велосипед из кустов.

— Садись. Держись крепко.

Алиса села на багажник, обхватила его за пояс. Он нажал на педали.

Вокзал был далеко. Они ехали через весь город, мимо сто-

ревших магазинов, заброшенных школ, пустых домов. Алиса молчала, только иногда сжимала его куртку крепче. Дмитрий крутил педали и думал о том, что они увидят.

Когда показались железнодорожные пути, Алиса дернула его за рукав.

— Там, — сказала она.

— Где?

— Чувствую. Они близко.

Дмитрий остановил велосипед. Вокзал был старый, дореволюционный, с облупившейся лепниной и выбитыми окнами. На путях застыла электричка — ржавая, с открытыми дверями. Внутри темно.

Они пошли пешком. Алиса вела, не отпуская его руки. Прошли мимо вокзала, свернули в жилой квартал. Пятиэтажки, дворы, заросшие бурьяном. У одной из них Алиса остановилась.

— Здесь, — сказала она.

Дмитрий посмотрел на дом. Обычная хрущевка, облезлая, с проваленной крышей. Подъезд зиял чернотой.

— Ты уверена?

— Да. Я слышу их.

Они вошли в подъезд. Запах — привычный. Моча, крысы, плесень, сладковатый. Алиса даже не поморщилась. Пошла по лестнице, не включая фонарь. Дмитрий шел за ней, освещая путь.

На втором этаже — скелет в кресле-качалке. Старуха,

в платке. Качалка застыла, но когда они проходили мимо, скрипнула.

— Спит, — сказала Алиса. — Не буди.

Третий этаж. Четвертый. Пятый.

Алиса остановилась у последней двери.

— Здесь.

Дмитрий толкнул дверь. Она была не заперта.

Они вошли.

В квартире было темно. Дмитрий включил фонарь. Луч выхватил пустую прихожую, кухню, дверь в комнату. Алиса пошла вперед, ведя его за собой.

И остановилась на пороге.

Дмитрий заглянул через ее плечо.

На полу, у окна, лежали два тела. Маленькие. Детские.

Алиса ахнула. Дмитрий подошел ближе. Мальчик и девочка. Лежали рядом, обнявшись. Серёжа и Анечка.

У него подкосились ноги. Он опустился на колени прямо на пол, рядом с ними. Пять лет работы чистильщиком. Тысячи тел. Старики, молодые, дети. Но эти двое...

Они были одеты. Мальчик — в курточку, шапку, варежки. Девочка — в розовое пальто, смешное, с помпонами. Они собрались уходить. Куда-то собирались. Может, искали убежище. Может, искали помощь. Но не дошли.

Дмитрий достал рисунок, развернул. Положил рядом с Серёжей. «МОЯ СЕМЯ». Кривые фигурки, солнце, трава.

— Я нашел вас, — сказал он шепотом. — Я пришел. Про-

стите, что долго.

В комнате стало холодно. Очень холодно. Дмитрий под-
нял голову.

Они стояли у окна. Двое. Прозрачные, серые, почти невидимые в дневном свете. Серёжа и Анечка. Смотрели на него.

Алиса шагнула вперед.

— Они здесь, — сказала она. — Они говорят спасибо.

Серёжа поднял руку и помахал. Анечка улыбнулась.

— Мы похороним вас, — сказал Дмитрий. — По-человечески.

Дети кивнули.

Алиса взяла его за руку.

— Они ждали, — сказала она. — Долго ждали.

— Теперь не будут.

Он поднялся, подошел к окну. Посмотрел на пустой двор, на серое небо.

— Пошли, — сказал он. — Надо найти место.

Глава 6. СЕРЁЖА

Дмитрий стоял на коленях посреди пустой квартиры и смотрел на два маленьких тела, лежащих у окна. Серёжа и Анечка. Брат и сестра, которые не дошли. Которые искали помощь, искали убежище, искали кого-то, кто спасет. И не нашли. Они ушли из дома, из квартиры, где остались мама и папа — мама в спальне, папа в кресле перед разбитым телевизором. Ушли, когда поняли, что взрослые не встанут. Собрали вещи — Серёжа надел курточку, шапку, варежки, Анечка — розовое пальто с помпонами, смешные ботинки с зайчиками. И пошли искать спасения.

Не нашли.

Рядом, прижавшись к его плечу, стояла Алиса. Молчала. Только сжимала его руку так сильно, что пальцы побелели. Она смотрела на детей, и Дмитрий видел, как дрожат ее губы. Но она держалась. Не плакала.

— Что теперь? — спросила она наконец. Голос тихий, сдавленный, будто через силу.

— Похоронить, — сказал Дмитрий. — По-человечески.

Он поднялся, подошел к окну. Двор был пуст, зарос бурьяном в пояс. Ржавые качели, песочница, затянутая паутиной, брошенные игрушки. В углу, у забора, росла старая береза — единственное живое дерево на всю округу. Белый ствол, голые ветви, тянущиеся к серому небу. Береза была

красивая, старая, с густой кроной, которая летом, наверное, давала тень.

— Там, — сказал он, показывая на березу.

Алиса посмотрела, кивнула.

— Красиво. Им понравится. Там светло.

Дмитрий вернулся к детям. Опустился на корточки, осторожно поправил воротник курточки Серёжи, расправил пальто Анечки. Они были такими маленькими. Такими хрупкими. Пальцы у Анечки были тонкие, как спички, лицо бледное, волосы спутанные. Серёжа сжимал в руке что-то — Дмитрий осторожно разжал пальцы. Маленькая ракушка. С моря. Та самая, которую он обещал подарить маме.

— Поможешь? — спросил он Алису.

— Да.

Он вынес их по одному. Сначала Серёжу. Завернул в чистое белье, нашел в соседней квартире — висело в шкафу, накрахмаленное, выглаженное. Чья-то запасная постель, которую никто никогда не использовал. Алиса держала мешок, подавала веревку, молчала. Потом Анечку. Она была легкая, как птичка. Дмитрий нес ее на руках, боясь дышать. Головка свесилась, волосы касались его руки.

Внизу, во дворе, он выбрал место под березой. С южной стороны, где солнце бывает чаще. Где весной снег тает раньше, где трава появляется первой.

Земля была твердая, промерзшая. Октябрь, но морозы уже пришли, земля взялась коркой, под которой лежал ка-

мень. Дмитрий копал долго. Лопата входила с трудом, приходилось налегать всем телом, поддевать корни, выворачивать камни. Пот заливал глаза, он вытирал рукавом и продолжал.

Через полчаса он скинул куртку, остался в свитере. Еще через полчаса снял свитер — остался в майке. Пар валил от тела, но он не чувствовал холода. Только яма, только земля, только камни, которые не хотели уступать.

Алиса сидела рядом на корточках, смотрела. Молчала. Только иногда подходила, отодвигала крупные камни, которые он выбрасывал наверх.

— Тяжело? — спросила она, когда он остановился перевести дух.

— Нормально.

— А почему ты это делаешь? Не как на работе, а по-другому?

Дмитрий остановился, оперся на лопату. Посмотрел на нее. Она сидела на корточках, обхватив колени руками, смотрела серьезно, ждала ответа.

— На работе — мешки. — Он вытер лицо рукавом. — Ссыпал, увез, забыл. Там чужие люди. Старушки, мужики, которых никто не ждал. А это... это Серёжа и Анечка. У них рисунок был. Семья. Их кто-то ждал.

— Мама?

— Мама умерла. Но кто-то ждал. Может, бабушка. Может, друг. Кто-то, кто помнит их живыми.

— Ты помнишь?

— Помню. — Он посмотрел на яму, на край, где виднелись корни березы. — Я их видел живыми. На рисунке. Они улыбались.

— Это не живыми. Это нарисованными.

— Нарисованные — тоже живые. Пока мы их помним.

Она кивнула. Задумалась. Потом сказала:

— Моя мама теперь нарисованная. На фотографиях. Я их смотрю иногда.

— Смотри. Она там живая.

— Ты правда так думаешь?

— Правда.

Она улыбнулась. Чуть-чуть, одними уголками губ. Дмитрий взял лопату и продолжил копать.

Яма получилась глубокая, ровная. Он выровнял дно, утрамбовал. Алиса подала ему ветки, чтобы выстелить дно. Нашла в кустах сухие листья, присыпала. Сбегала в подъезд, принесла из какой-то квартиры старое одеяло, расстелила.

— Откуда? — спросил Дмитрий.

— Там лежало. На диване. Вон в той квартире. — Она показала на подъезд. — Ничье. Все равно никто не придет.

Дмитрий посмотрел на нее. Худенькая, бледная, в огромном свитере, который волочился по земле. Но глаза серьезные, взрослые.

— Умница, — сказал он.

Она кивнула. Не улыбнулась — было не до улыбок.

Дмитрий спустился в яму, принял от Алисы завернутые тела. Положил Серёжу и Анечку рядом, как лежали в квартире — обнявшись. Серёжа держал сестру, Анечка прижималась к брату. Так и нашли. Так и похоронили.

Он поправил одеяла, чтобы не сбились. Расправил волосы Анечке. Серёже положил в руку ракушку, ту самую, с моря. Сказать хотел что-то, но слова не шли. Горло перехватило, в глазах защипало.

Алиса стояла на краю ямы, смотрела. Глаза блестели, но она не плакала. Сжимала губы, держалась.

— Ты чего? — спросил Дмитрий.

— Жалко их. — Она шмыгнула носом. — Они же дети. Совсем маленькие. Анечке пять лет было. Пять. Я в пять лет еще в садик ходила. Мама меня за руку водила.

— Знаю.

— Анечка маму звала, когда умирала. Я чувствую. Она звала и не понимала, почему мама не приходит. Почему папа не приходит. Почему никто не приходит.

Дмитрий сглотнул. Горло перехватило, в глазах защипало. Он отвернулся, чтобы Алиса не видела.

— Не надо, — сказал он. — Не надо об этом.

— Надо. — Алиса посмотрела на него. Глаза серьезные, взрослые. Не детские. — Их надо помнить. Если не помнить, они совсем уйдут. Даже из памяти. И никто не узнает, что они были.

— Я помню. — Он повернулся к ней. — Я их не забуду.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она кивнула. Поверила.

Дмитрий вылез из ямы, взял лопату. Засыпал землей. Медленно, аккуратно, чтобы не повредить, чтобы не сбить одеяла. Горсть за горстью. Алиса помогала — бросала земли, приговаривая что-то шепотом. Слова были неразборчивые, но ритмичные, похожие на молитву.

— Что ты говоришь? — спросил Дмитрий.

— Молитва. Баба Маша научила. Чтобы они спокойно ушли. Чтобы не боялись.

— И ты веришь?

— Верю. — Она не подняла глаз, продолжала бросать землю. — Баба Маша говорит, что молитва помогает. Что тем, кто уходит, легче, когда о них молятся.

— Ты молишься за маму?

— Да. Каждый вечер. Когда читаю.

— И ей легче?

— Не знаю. — Она помолчала. — Мне легче. Думаю, и ей тоже.

Когда яма заполнилась, Дмитрий утрамбовал землю, наложил сверху камней — больших, тяжелых, чтобы не растащили звери. Алиса нашла две палки, связала крестом старой проволокой, нашла в кустах. Воткнула в изголовье.

— Крест? — спросил Дмитрий.

— Просто так. Чтобы место было. Чтобы кто-то знал, что

здесь дети лежат. — Она поправила крест, чтобы стоял ровно. — А если люди придут? Увидят?

— Люди не придут. Сюда никто не ходит.

— А гости?

— Гости увидят. Они запомнят.

Она кивнула. Отошла на шаг, посмотрела на могилу. На камни. На крест.

— Красиво, — сказала она. — Им понравится.

Дмитрий стоял рядом, смотрел. В кармане лежал рисунок. Он достал его, развернул. «МОЯ СЕМЯ». Кривые фигурки, солнце, трава. Мальчик с большими ушами, девочка в платье, папа с подарком, мама, собака.

— Пусть у вас там будет семья, — сказал он. — Настоящая. Вся. Вместе.

Он хотел положить рисунок на могилу, но рука не поднялась. Слишком привык носить его у сердца. Слишком много он значил.

Алиса посмотрела на него.

— Оставь себе, — сказала она. — Он твой теперь.

— Почему мой?

— Ты их нашел. Ты похоронил. Ты теперь за них отвечаешь.

Дмитрий посмотрел на рисунок. Кривые фигурки. Солнце. Трава.

— Я отвечаю, — сказал он. — За них. За тебя. За всех.

Она подошла, прижалась к нему. Худенькая, теплая, жи-

вая. Он обнял ее одной рукой, другой прижимая рисунок к груди.

— Дима?

— Что?

— Они ушли. Туда, где светло.

— Откуда знаешь?

— Чувствую. Им хорошо.

Он оглянулся.

Они стояли у березы. Двое. Прозрачные, серые, почти невидимые в сером свете дня. Серёжа и Анечка. Смотрели на могилу. На крест. На него. Серёжа держал сестру за руку, Анечка прижималась к брату.

— Они здесь, — сказала Алиса.

— Вижу.

— Они говорят спасибо! Говорят, что теперь не страшно.

Серёжа поднял руку. Помахал. Анечка улыбнулась — той же улыбкой, что и в квартире, в первый раз. Беззубой, детской, светлой. Сквозь них просвечивала береза, серое небо, ветки.

— Не уходите, — сказал Дмитрий.

Дети покачали головами.

— Не сейчас, — перевела Алиса. — Еще рано. Они... они должны помочь.

— Чем?

— Нам. Вам. — Она помолчала, прислушиваясь. Глаза стали отсутствующими, чужими. — Гниль. Он идет. Они хо-

тят предупредить.

— Что за Гниль?

— Тот, кто у ворот был. Злой. Он хочет... — Алиса замолчала, вздрогнула. Глаза стали своими, испуганными. — Он хочет меня. Через меня открыть дверь.

— Какую дверь?

— Не знаю. Они не говорят. Боятся.

Дети исчезли. Просто растаяли в воздухе, как дым. Серёжа последним помахал рукой, и его не стало.

Алиса моргнула, посмотрела на Дмитрия.

— Ушли, — сказала она.

— Насовсем?

— Нет. Они вернуться. Когда надо будет.

— Зачем?

— Предупредить или помочь. Они теперь с нами.

Дмитрий смотрел на пустое место у березы. Потом перевел взгляд на могилу, на камни, на самодельный крест.

— Пошли, — сказал он. — Холодно.

Они пошли к велосипеду. Алиса держалась за руку, не отпускала. У велосипеда остановилась, посмотрела на него.

— Дима?

— Что?

— Ты хороший.

— Я чистильщик.

— Чистильщики не плачут.

— Я не плакал.

— Плакал. Когда детей закапывал. Я видела. Слезы по щекам текли. Ты их вытирал, но они все текли.

Дмитрий молчал. Она права. Не помнил, но верил.

— Садись, — сказал он. — Поехали.

В магазин вернулись, когда уже темнело.

Алиса сразу прошла наверх, зажгла керосинку. Дмитрий сел на пол, прислонился к стене. Устал так, что кости ныли, руки дрожали, спина гудела. Достал рисунок и развернул.

Он посмотрел на рисунок. Кривые фигурки. Солнце. Трава. Мальчик с большими ушами, девочка в платье, папа с подарком, мама, собака. Семья, которой больше нет. Которая теперь есть у него.

— Я отвечаю, — сказал он. — За них. За тебя. За всех.

Алиса положила голову ему на плечо. Теплая, живая. Дышит ровно, спокойно.

— Я есть хочу, — сказала она.

Дмитрий усмехнулся. Убрал рисунок в карман, полез в рюкзак за тушенкой.

— Сейчас накормлю.

Внизу, в магазине, кто-то ходил. Шаги легкие, почти неведомые. Гости. Алиса улыбнулась в темноте.

— Баба Маша радуется, — сказала она.— За Серёжу и Анечку.

— Откуда знаешь?

— Чувствую. Им легче стало. Теперь они не одни.

— Они с нами?

— С нами. И с ними. — Она кивнула куда-то вниз. — Баба Маша говорит, что теперь их много. Тех, кто нам поможет.

— Зачем нам помогать?

— Гниль. Он придет. Мы должны быть готовы.

Дмитрий открыл банку, протянул ей.

— Ешь!

Она ела. А он сидел и слушал шаги внизу. Думал о том, что сказали дети. Гниль. Злой. Тот, кто у ворот. Кто хочет открыть дверь через Алису.

— Алиса?

— Что?

— Ты знаешь, что это за дверь?

— Не знаю. — Она отложила банку, посмотрела на него.

— Гости говорят — это дверь между мирами. Через пустых можно открыть.

— И что тогда?

— Тогда тот, кто откроет, может пройти. Стать живым. Или наоборот.

— Гниль хочет стать живым?

— Не знаю. Может, просто выйти оттуда.

— Откуда?

— Где он сейчас. Где застрял.

Дмитрий помолчал. Потом сказал:

— Не открывай. Никому.

— Не открою!

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она сказала это просто, спокойно. Дмитрий поверил.

— Ешь, — сказал он. — Завтра будет трудный день.

Она доела тушенку, облизала ложку, убрала в рюкзак.

Легла на раскладушку, укрылась курткой.

— Дима?

— Что?

— А если Гниль придет?

— Не пущу!

— А если не сможешь?

— Смогу.

— Ты устал.

— Я справлюсь!

Она закрыла глаза. Через минуту дыхание стало ровным и она уснула.

Дмитрий сидел, смотрел на спящую Алису, держал в руке рисунок. «МОЯ СЕМЯ».

Обещал детям. Обещал Алисе. Обещал себе.

Он сдержит слово.

Глава 7.ЗНАКИ

День после похорон тянулся медленно, как старая резина.

Дмитрий не пошел на работу. Впервые за пять лет он просто остался в магазине, сидел у окна и смотрел, как серый свет перетекает из одной лужи в другую. Алиса читала — сидела на полу, разложив вокруг книги, и читала вслух. Голос у нее был тихий, но в утренней тишине каждое слово звучало отчетливо, заполняло комнату, уходило в щели между досками.

— "...и побежала Алиса дальше, и увидела Чеширского кота, который сидел на дереве и улыбался. «Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?» — спросила Алиса. «А куда ты хочешь попасть?» — спросил кот..."

Дмитрий слушал и думал о том, что вчера они похоронили детей. Серёжа и Анечка теперь лежат под березой, камни на могиле, самодельный крест. А рисунок у него в кармане, у сердца. Он достал его, развернул, посмотрел на кривые фигурки. Семья, которой больше нет. Которая теперь есть у него.

Алиса закрыла книгу, посмотрела на него.

— Дима?

— Что?

— Гости не приходят.

— С утра?

— Со вчерашнего вечера. — Она покачала головой. — Баба Маша не приходила. Дядя Коля не приходил. Никого нет.

— Может, устали?

— Нет. — Она помолчала, прислушиваясь к чему-то, чего он не слышал. — Они прячутся. Боятся.

— Чего?

— Не знаю. Чувствуют что-то.

Дмитрий посмотрел в окно. Вороны сидели на крышах, не каркали, не двигались. Напротив, через дорогу, стоял дом с выбитыми окнами. В одном из окон, на втором этаже, ему показалось, мелькнула тень. Он всмотрелся — пусто. Только чернота и пыль.

— Может, показалось? — спросил он.

— Нет. — Алиса подошла к нему, взяла за руку. — Они боятся. Я чувствую. Что-то будет.

Он не стал спорить. За пять лет научился доверять предчувствиям. Особенно когда они приходили не от него.

Вечером они ели тушенку с галетами, грелись у керосинки. Алиса молчала, смотрела в огонь. Пламя танцевало, отбрасывая на стены длинные тени. Дмитрий смотрел на нее. Худенькая, бледная, с темными кругами под глазами. За день она устала не меньше, чем он. Может, больше. Год одиночества не прошел даром — она быстро выдыхалась, спала урывками, часто просыпалась от кошмаров. Но не жаловалась. Никогда.

— Ложись спать, — сказал он. — Я покараулю.

— Не усну. — Она зевнула, прикрыв рот ладошкой. —

Они мешают.

— Кто?

— Гости. Они шепчут. Все время шепчут. Я не могу разобраться, но они шепчут.

— О чем?

— О нем. О том, кто придет.

Дмитрий насторожился.

— Кто придет?

— Не знают. Боятся.

— Гниль?

— Может быть. — Она поежилась, поправила свитер. — Они его боятся. Все боятся. Даже те, кто умер давно. Даже те, кто ничего не боятся.

Она легла на раскладушку, укрылась курткой. Дмитрий погасил керосинку, сел у окна. Внизу, в магазине, было тихо. Слишком тихо. Обычно гости ходили, шуршали страницами, шептались, переставляли книги. Сегодня — тишина. Мертвая, плотная, как вата.

Он закрыл глаза, прислушался.

Ничего. Только ветер за окном да где-то далеко — скрип качелей. Скрип-скрип-скрип. Монотонно, тоскливо, как счетчик Гейгера над могильником.

Дмитрий провалился в сон незаметно — просто закрыл глаза, а открыл их уже от грохота.

Он вскочил, рука нащупала пистолет. В комнате темно, но видеть можно. Алиса сидит на раскладушке, бледная, глаза огромные, в темноте блестят.

— Что? — спросил он.

— Там! — Она показала вниз, на пол, на лестницу. — В магазине.

Грохот повторился — будто кто-то сбрасывал книги с полок. Потом еще, и еще. Стекло разбилось, что-то тяжелое упало, покатилося по полу.

— Сиди здесь, — велел Дмитрий.

— Нет! — Алиса вскочила, вцепилась в его руку. — Не ходи один!

— Алиса...

— Я с тобой. Там... там он!

Она дрожала, но глаза смотрели твердо. Дмитрий не стал спорить. Взял пистолет, проверил — патроны на месте. Алиса держалась за его руку, не отпуская.

Они спустились по лестнице. Ступенька за ступенькой, медленно, тихо. Дмитрий старался не скрипеть, но доски все равно стонали под ногами, и этот стон казался ему криком на всю округу. Внизу было темно, хоть глаз выколи. Он включил фонарь.

Луч выхватил картину разрушения.

Стеллажи были повалены. Книги валялись на полу — сотни, тысячи, раскрытые, разорванные, с вырванными страницами. Белые листы устилали все вокруг, как снег в январе.

Полки зияли пустотой, корешки торчали в разные стороны, будто кто-то выдирает их с корнем. Два больших шкафа опрокинулись, раздавив под собой стулья. Лампы разбиты, стекло хрустит под ногами.

— Что-то искал, рылся или злился— прошептала Алиса.

Дмитрий пошел между стеллажами, освещая путь. Алиса держалась сзади, не отпускала его руку. Воздух в магазине был холодным — не обычным, а липким, проникающим под кожу, в кости, в самую середину. Таким же, как тогда, на лестнице, в первой квартире. Как тогда, когда он впервые увидел фигуру, которая исчезла, стоило вскинуть фонарь.

— Он здесь, — сказала Алиса. — Я чувствую.

— Где?

— Везде. Он везде!

Дмитрий поднял фонарь к потолку. Луч скользнул по балкам, по паутине, по старым люстрам, что висели здесь еще до войны. И замер.

В углу, между стеллажами, стояла фигура.

Высокая, темная, почти сливающаяся с тенями. Дмитрий не видел лица — только силуэт. Но чувствовал — тот, кого он ждал. Тот, кто приходил в офис. Тот, кто стоял на лестнице в квартире старушки.

— Кто ты? — спросил он. Голос прозвучал тверже, чем он ожидал.

Фигура не ответила. Только качнулась, будто на ветру.

— Он не говорит, он только смотрит.— прошептала Али-

са.

— Что ему нужно?

— Меня! — Она произнесла это тихо, будто сама себе. —

Он хочет меня.

Фигура шагнула вперед. Дмитрий вскинул руку с пистолетом, прицелился в грудь, но Алиса дернула его за руку.

— Не стреляй! Пуля его не берет.

— А что берет?

— Не знаю. Ничего. Он мертвый. Он уже мертвый.

Фигура подошла ближе. Дмитрий увидел лицо — белое, как мел, с провалившимися глазницами. В них не было глаз — только пустота, черная, бездонная. И рот — черная дыра, растянутая в беззвучной улыбке. Улыбка была страшнее всего. Она не двигалась, не менялась, просто была — застывшая, как на фотографии покойника.

— Уходи, — сказал Дмитрий. — Не тронешь ее!

Улыбка стала шире. Фигура подняла руку — длинную, тонкую, почти прозрачную, сквозь нее просвечивали книги, стена, разбитое окно. И показала пальцем на Алису. Потом на него. Потом на дверь. Жест был медленный, вязкий, будто рука двигалась в смоле.

— Он говорит — мы умрем, — перевела Алиса. Голос ее дрожал, но она держалась. — Он говорит — все умрут. Сначала я, потом ты, потом все. Никто не выживет.

— Не умрут.

— Он говорит — ты не сможешь защитить. Никого. Ни

ее. Ни себя.

Дмитрий шагнул вперед, заслоняя Алису собой. Фигура качнулась, отступила на шаг. Но не исчезла. Стояла в полумраке, улыбалась, смотрела пустыми глазницами.

— Я смогу, — сказал он. — Убирайся, пока цел.

— Он уже мертвый, — напомнила Алиса. — Его не убить.

— Тогда прогоню.

Фигура стояла. Смотрела. Улыбалась. Потом начала таять — медленно, как туман на солнце. Сначала исчезли руки, потом тело, потом лицо. Улыбка исчезла последней, растворилась в воздухе, оставив после себя только холод и пустоту.

Стало светлее. И теплее.

Алиса выдохнула, прижалась к Дмитрию. Вся дрожала — мелко, часто, как в лихорадке. Зубы стучали.

— Ушел, — сказала она.

— Что это было?

— Гниль. — Она произнесла это слово тихо, будто боялась, что оно вернет его. — Гости называют его так. Гниль. Он был человеком. Потом умер. Но не ушел. Застрял. Озлобился. И стал...

— Чем стал?

— Гнилью. — Она подняла на него глаза. В темноте они блестели. — Он хочет открыть дверь через меня. Говорит, что я открою.

— Не откроешь.

— Он заставит.

— Не заставит.

— Он сильный и сильнее всех. Сильнее бабы Маши, сильнее дяди Коли, сильнее тех, кто на болоте. Он злой. Самый злой!

— А мы — вместе. И гости с нами.

Алиса посмотрела на разгромленный магазин, на разбросанные книги, на выбитые стекла.

— Они не помогут, потому что они боятся. Он их всех запугал.

— Тогда я помогу!

Она ничего не сказала. Только прижалась сильнее.

Они не спали до утра. Сидели наверху, в своей комнате, прижавшись друг к другу. Дмитрий держал пистолет на изготове, Алиса — рисунок. «МОЯ СЕМЯ». Она смотрела на него долго, водила пальцем по кривым линиям, по солнцу, по траве.

— Дима?

— Что?

— А если он опять придет?

— Не пущу!

— А если не сможешь?

— Смогу!

— Откуда знаешь?

— Потому что я здесь. Потому что ты здесь.

Она помолчала. Потом сказала:

— Я тоже здесь. И не уйду.

— Знаю!

За окном светало. Серый свет заливал улицу, пустую, тихую. Вороны снова сидели на крышах. Но теперь они молчали. Смотрели на магазин и ждали.

Утром Алиса проснулась позже обычного. Дмитрий сидел у окна, смотрел на город. Внизу, в магазине, было тихо. Гости не приходили или приходили, но не показывались.

— Дима?

— Что?

— Они вернутся.

— Кто?

— Гниль. Он сказал, что вернется.

— Знаю.

— Что мы будем делать?

Дмитрий посмотрел на нее. Худенькая, бледная, но глаза живые. Не сдалась. Не сломалась. В них была та же искра, что и в первый день, когда она открыла ему дверь в своей квартире.

— Будем искать, — сказал он.

— Что искать?

— Как его остановить. Тело. Где он умер. Если похоронить по-человечески, то может, уйдет.

— А если не уйдет?

— Тогда придумаем что-то еще. Вместе!

Она кивнула. Встала, подошла к нему, взяла за руку. Ладонка маленькая, холодная, но живая.

— Я помогу!

— Знаю.

Они стояли у окна и смотрели на пустой город. Где-то там, в серой дымке, бродил Гниль. Ждал. Выслеживал.

Но теперь они знали его имя. И это давало надежду.

Глава 8. СЕРЁЖА (ВТОРАЯ ЧАСТЬ)

Ночь после встречи с Гнилью выдалась бессонной.

Холодный свет заливал пустую улицу, брошенные машины, ржавые качели вдалеке. Качели не скрипели — ветра не было. Тишина стояла такая, что звенело в ушах. Внизу, в магазине, было тихо — гости не ходили, не шуршали страницами, не шептались. Они исчезли. Спрятались. Боялись.

Алиса спала на раскладушке, свернувшись калачиком, укрывшись с головой старым одеялом. Дышала ровно, но во сне вздрагивала — будто бежала от кого-то. Несколько раз всхлипнула, позвала маму. Дмитрий смотрел на нее и думал. О том, что случилось. О фигуре у стеллажей, о белых глазах, об улыбке без звука. О холоде, который проникал сквозь стены, сквозь куртку, сквозь кожу, в самую середину.

Он достал рисунок, развернул. «МОЯ СЕМЯ». Кривые фигурки, солнце, трава. Папа с подарком, мама в платье, мальчик с большими ушами, девочка, собака. В который уже раз.

Пальцы погладили бумагу. Края истерлись, сгибы побелели — скоро развалится. Надо бы перепрятать куда-нибудь, в другое место. Но куда? В кармане, у сердца, было самое надежное.

Внизу скрипнула половица. Дмитрий напрягся, прислушался. Тишина. Только ветер за окном. Потом снова — скрип. Кто-то ходил в магазине. Легкие шаги, почти невесомые, но на этот раз не те, тяжелые, что бродили раньше. Другие. Осторожные. Будто кто-то крался между стеллажами.

Он достал пистолет, бесшумно встал и подошел к лестнице, замер.

Шаги приближались. Медленно, осторожно. Скрип — ступенька. Скрип — еще одна. Кто-то поднимался наверх.

Дмитрий направил направил пистолет на лестничный пролет.

Из темноты показалась голова. Маленькая, с растрепанными волосами. Девочка.

— Алиса? — он опустил оружие. — Ты чего?

Она не ответила. Поднялась наверх, прошла мимо него, села на пол в углу комнаты. Глаза открыты, но не видят. Смотрит сквозь стены, сквозь потолок, сквозь крышу, в небо. Губы шевелятся без звука.

— Алиса! — он опустился перед ней на корточки, взял за плечи. — Алиса, очнись!

Она моргнула. Посмотрела на него.

— Они здесь, — сказала она. Голос спокойный, будто она не спала вовсе.

— Кто?

— Серёжа и Анечка.

Дмитрий обернулся.

Они стояли в дверном проеме. Двое. Прозрачные, серые, почти невидимые в лунном свете. Мальчик и девочка. Серёжа — в курточке, с шапкой в руках, в варежках, которые мама связала. Анечка — в розовом пальто с помпонами, в смешных ботинках с зайчиками. Те самые, что лежали под березой.

Дмитрий не мог пошевелиться. Рука сама полезла в карман, нащупала рисунок, сжала.

— Вы... — начал он. Голос сел, пришлось откашляться. — Вы здесь...

Серёжа поднял руку. Показал жестом: не говори, слушай. Движение было плавным, почти незаметным, но Дмитрий понял.

Алиса сползла на пол, поджала ноги. Посмотрела на детей снизу вверх.

— Они говорят спасибо, — сказала она.

Дмитрий кивнул. Горло перехватило.

Анечка улыбнулась. Та же улыбка, что и тогда, в квартире. Беззубая, детская, прозрачная. Сквозь нее просвечивала стена, книжный стеллаж, пыльная лампа.

— Еще они говорят, — продолжила Алиса, прислушиваясь к чему-то, что Дмитрий не слышал, — что вы не должны здесь оставаться. Тот, злой, вернется. Он сильнее, чем кажется.

Серёжа покачал головой. Подошел ближе. Совсем близко. Дмитрий почувствовал холод — тот самый, липкий, прони-

кающий в кости, в кровь, в мозг. Запах — сырой земли, гнили, чего-то давно мертвого. Такой же, как тогда у ворот. Как сегодня ночью в магазине.

— Они называют его Гниль, — сказала Алиса. Голос ее стал чужим, низким, будто не она говорила. — Он был чистильщиком. Как ты. Работал здесь, в городе. Убирал тела, как ты. Но когда пришла его дата, он не ушел. Остался. Потому что злился. На всех. На дату. На себя. На мир.

— Чего он хочет?

Серёжа посмотрел на Алису. Та кивнула, слушая.

— Он хочет Алису, — сказала она чужим голосом. — Пустые притягивают таких, как он. Они думают, что через пустых можно вернуться. Стать снова живыми.

— Это правда?

— Нет. — Алиса покачала головой — своим движением. — Нельзя. Они просто застрянут еще сильнее. Станут еще злее. Но они не верят. Они злые, они не слышат.

Анечка подошла к Алисе, протянула прозрачную руку, коснулась ее щеки. Алиса вздрогнула — от холода, от прикосновения, от чего-то другого. По щеке побежала слеза.

— Она говорит, — прошептала Алиса, — что они будут рядом. Всегда. Пока не прогонят Гниль. Они не уйдут, пока мы в опасности.

— Как его прогнать?

Серёжа и Анечка переглянулись. Потом мальчик подошел к Дмитрию. Посмотрел ему в глаза. Дмитрий смотрел в пу-

стые глазницы и не мог отвести взгляд. Холод стал сильнее. Запах — невыносимым.

— Место, — сказала Алиса голосом Серёжи. — Там, откуда он пришел. Где умер. Надо найти и закрыть.

— Как закрыть?

— Похоронить по-человечески. Как нас.

Дмитрий сглотнул. Вспомнил, как копал яму под березой. Как земля примерзла, как лопата звенела о камни. Как руки стер в кровь.

— А где это?

— Не знаем. — Алиса покачала головой. — Он не говорит. Он злой, он молчит. Но есть те, кто знают. Спроси у гостей.

Внизу, в магазине, колыхнулись тени. Баба Маша услышала свое имя. Подняла голову, посмотрела наверх.

— Она знает? — спросил Дмитрий.

— Может быть. Спроси утром. Спроси у всех. Они помогут.

Серёжа отступил на шаг. Взял Анечку за руку. Они начали таять — медленно, как туман на рассвете. Сначала исчезли ноги, потом руки, потом тела.

— Не уходите, — сказал Дмитрий.

Анечка улыбнулась в последний раз. Серёжа поднял руку, помахал. Показал на карман Дмитрия — туда, где лежал рисунок. Потом на себя. Потом на Анечку. И улыбнулся. Будто говорил: «Мы еще встретимся. С ним».

И исчезли.

В комнате стало тепло. Обычный ночной холод, но после того, липкого, он казался теплом.

Алиса сидела на полу, обхватив колени руками. Дрожала. Мелко, часто.

— Холодно, — сказала она. — Они очень холодные.

Дмитрий подошел, сел рядом, обнял. Она была ледяная — вся, от макушки до пят. Он прижал ее к себе, завернул в куртку.

— Я рядом! Ты слышала, что они сказали про Гниль?

— Да! Он был чистильщиком, как ты! Ты тоже можешь стать таким? Злым? Как он?

Дмитрий помолчал. Вспомнил себя пять лет назад — пустого, замороженного, без чувств. Вспомнил рисунок в картине. Алису. Похороны под березой.

— Нет, — сказал он. — Не стану.

— Почему?

— Потому что есть ты.

Она уткнулась носом ему в плечо. Они сидели так до утра. Алиса согрелась, уснула у него на плече. Дмитрий не спал. Смотрел в окно и ждал рассвета.

Утром он спустился вниз.

Баба Маша стояла в углу, как всегда. Прозрачная, серая, в своем вечном платке. Рядом — дядя Коля в рабочей робе. И еще несколько. Человек десять ждали.

— Ты знаешь? — спросил Дмитрий. — Про того, злого?

Про Гниль?

Баба Маша кивнула. Медленно, тяжело. Глаза — пустые провалы — смотрели на него.

— Где он умер?

Она подняла руку и показала на восток. Потом нарисовала в воздухе квадрат. Потом ткнула пальцем вниз.

— В городе? — спросила Алиса, спустившаяся следом. Голос у нее был хриплый со сна, но глаза уже ясные.

Баба Маша кивнула.

— Где именно?

Старуха развела руками. Не знает.

— Кто знает?

Она показала на дверь. Потом нарисовала в воздухе фигуру — высокую, худую. Потом провела рукой по горлу.

— Другой мертвец? — спросил Дмитрий.

Кивок.

— Где его искать?

Баба Маша показала на север. Потом на юг. Потом снова на восток.

— Много? — спросила Алиса.

Баба Маша опять кивнула с согласием.

— Те, кто знают, — перевела Алиса. — Их много. Но они не здесь. Они в городе. В старых домах.

Дмитрий сжал челюсти. Челюсти хрустнули.

— Значит, будем искать.

Они вышли из магазина, когда солнце поднялось доста-

точно высоко.

День был серый, холодный, ветренный. Первый снег мог пойти со дня на день. Небо висело низко, тяжело, свинцово. Вороны сидели на крышах, смотрели на них и ждали.

Дмитрий вез Алису на велосипеде, и она смотрела по сторонам внимательнее обычного. Вертела головой, как птичка. Вслушивалась.

— Дима?

— Что?

— Там! — она показала на дом слева. Старая пятиэтажка, облезлая, с проваленной крышей. — Там кто-то есть.

Они остановились. Дом был старый, дореволюционный, с лепниной на фасаде. Лепнина обвалилась, торчала ржавая арматура. Окна выбиты, дверь сорвана. Внутри чернота.

— Кто?

— Гость. Старый. Очень старый. Может, знает?

Они вошли. Внутри пахло так, как пахнет везде. Сырость, плесень, сладковатый запах. И еще что-то — старое, затхлое, будто здесь не ступала нога человека сто лет. К стенам прилипла какая-то слизь. На полу — лужи, в которых плавало что-то черное.

Они поднялись на второй этаж. Ступени проваливались под ногами, перила отваливались. Алиса шла осторожно, держась за стену.

На втором этаже, в квартире с сорванной дверью, сидел мертвец.

Старик. Очень старый. Сидел на стуле у окна, смотрел на улицу пустыми глазами. Сквозь него просвечивала стена, обои, пятно плесени. Он был почти невидимым — только серое пятно на серой стене.

Алиса подошла ближе. Совсем близко. Протянула руку, но не коснулась.

— Он здесь давно, — сказала она. — Очень давно. Еще до вспышки.

— До вспышки не было гостей.

— Был. Он умер до всего. И остался.

Старик повернул голову. Медленно, с хрустом несуществующих суставов. Пустые глазницы уставились на Алису.

— Он говорит, — прошептала Алиса, — что знает того, злого. Они вместе работали. На заводе.

— Где завод?

Старик поднял руку, показал на восток. Рука дрожала, рассыпалась на глазах.

— Там. За вокзалом есть старый завод. Он там умер. В цехе.

— В каком?

Старик покачал головой. Не знает.

— Кто знает?

Он показал на дверь. Потом нарисовал в воздухе круг. Потом ткнул пальцем вниз.

— Еще один? — спросил Дмитрий.

Он ответил кивком.

— Где?

Старик показал на юг. Рука упала. Он начал таять.

— Спасибо, — сказала Алиса.

Старик улыбнулся беззубым ртом и исчез.

Они искали до вечера.

Пять домов. Десять. Пятнадцать. Мертвецы молчали, показывали жестами, вели дальше. Цепочка тянулась через весь город.

В одном подвале воняло так, что Дмитрия вывернуло. Алиса держалась, только побледнела сильнее. Там, в углу, сидела женщина с разложившимся наполовину лицом. Показала на север.

В другом доме, на чердаке, висел мертвец. Буквально — висел на крюке, в петле. Качался от ветра. Показал пальцем на юго-восток.

В третьем — в комнате, заваленной детскими игрушками, сидела девочка с куклой. Такая же прозрачная, как Анечка. Посмотрела на Алису долгим взглядом, показала на запад и исчезла.

Алиса устала. Дмитрий тоже. Ноги гудели, руки замерзли, есть хотелось невыносимо. Но останавливаться было нельзя. Гниль ждал. Гниль знал.

В сумерках они нашли его.

Высокий, худой, в рабочей робе. Стоял в подвале полуразрушенного дома и смотрел на них. Сквозь него просвечивали трубы, ржавые, покрытые слизью. Он был старым —

не как старик во втором доме, а другим, тяжелым, будто из бетона.

— Он знает, — сказала Алиса. — Точно знает.

Мертвец кивнул. Подошел ближе. Запах от него шел такой, что Дмитрий зажал нос. Алиса даже не поморщилась.

— Где завод? — спросил Дмитрий.

Тот показал на восток. Потом нарисовал в воздухе три пальца. Потом показал на пол.

— Третий цех? — спросила Алиса.

Кивок.

— Вход где?

Мертвец показал жест — будто открывает дверь. Потом провел рукой по горлу.

— Опасно, — перевела Алиса. — Там опасно и очень!

Дмитрий посмотрел на нее. В полумраке подвала ее глаза блестели.

— Завтра идем туда.

Она кивнула, а мертвец исчез.

Ночью в магазине Алиса долго не могла уснуть.

Ворочалась, вздыхала, смотрела в потолок. Дмитрий сидел у окна, смотрел на город.

— Дима?

— Что?

— А если не получится? А если он нас убьет?

— Он уже мертвый. Куда еще убивать?

— Может сделать так, что мы тоже застрянем, как он.

Дмитрий помолчал. Представил это. Себя — прозрачно-го, серого, застрявшего между мирами. Алису — рядом. Вечность в холоде и одиночестве.

— Не застрянем. Я не дам!

Она посмотрела на него долгим взглядом. В темноте глаза казались огромными.

— Ты правда веришь?

— Правда!

Она улыбнулась. Устало, но улыбнулась.

— Я тоже верю.

Уснула она только под утро. Дмитрий укрыл ее одеялом, поправил подушку. Сам не спал. Сидел у окна, смотрел на город и думал о том, что завтра они пойдут на завод. К Гнили. К тому, кто улыбался беззвучно. К тому, кто хотел забрать Алису.

— Не отдам, — сказал он в пустоту.

Внизу колыхнулись тени. Баба Маша и другие. Они слышали. Они верили.

Оставалось только сделать.

Глава 9. ПЕРВАЯ КРОВЬ

Утро в книжном магазине пахло пылью и керосином.
Дмитрий сидел у окна на втором этаже

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.